

Абрахам Меррит, Ханнес Бок

Черное колесо

**Ханнес Бок
Абрахам Грэйс Меррит
Черное колесо**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143567

Аннотация

«Мне кажется, пришло время поведать о том, что на самом деле произошло с прогулочной яхтой Джима Бенсона – «Сьюзан Энн». И, конечно, что стало с теми, кто находился на ее борту: самим Большим Джимом, его дочерью Пенелопой, его компаньонами – Майклом Мактигом и Тадеусом Чедвиком, с леди Фитц-Ментон и ее любовником Алексеем Буриловым, преподобным доктором богословия Сватловом и его, к несчастью, прекрасной сестрой Флорой, а также с капитаном Джонсоном и всем экипажем «Сьюзан Энн».

Конечно, кое-что я уже рассказал, когда флоридские ловцы губок нашли нас с Деборой в пещере на Малом острове Пальм. Может, кто-то вспомнит об этом, хотя прошло уже пять лет...»

Содержание

1. «Сьюзан Энн»	4
2. Дебора дает разъяснения	15
3. Ураган	24
4. Гавань Бенсона	28
5. Безымянный корабль	31
6. Черное колесо поворачивается	39
7. Разговор в каюте	42
8. За запечатанной дверью	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Меррит Абрахам, Бок Ханнес

Черное колесо

1. «Сьюзан Энн»

Мне кажется, пришло время поведать о том, что на самом деле произошло с прогулочной яхтой Джима Бенсона – «Сьюзан Энн». И, конечно, что стало с теми, кто находился на ее борту: самим Большим Джимом, его дочерью Пенелопой, его компаньонами – Майклом Мактигом и Тадеусом Чедвиком, с леди Фитц-Ментон и ее любовником Алексеем Буриловым, преподобным доктором богословия Сватловым и его, к несчастью, прекрасной сестрой Флорой, а также с капитаном Джонсоном и всем экипажем «Сьюзан Энн».

Конечно, кое-что я уже рассказал, когда флоридские ловцы губок нашли нас с Деборой в пещере на Малом острове Пальм. Может, кто-то вспомнит об этом, хотя прошло уже пять лет.

«Сьюзан Энн» захватил карибский ураган. Первый удар почти потопил ее, сорвал шлюпки и снес радиорубку, убив при этом радиста. С трудом уйдя от урагана, яхта нашла убежище на одном из необитаемых островов Багамского архипелага, где ее в меру сил починили. Наконец, все еще с течью и едва способная плыть самостоятельно, она двинулась к Нассау, но попала в новый ураган и затонула со всем экипажем. Спаслись только Дебора и я. Конечно, кое-кто это помнит. Впечатляющий был рассказ, убедительный, и никто не задавал вопросов.

В этой истории был только один изъян... Все это – ложь.

Дебора – служанка леди Фитц-Ментон. Шотландка, кальвинистка и такая ярая моралистка, что, как однажды заметила ее милость десять минут в присутствии Деборы действуют на нее как порция слабительного. Сказано это было именно в присутствии самой Деборы: один из приемов, которыми ее милость ставила служанку на место. Должен признаться, что такая вопиющая благопристойность временами раздражала даже меня.

Дебора презирает ложь, – но я убедил ее, что, расскажи она правду, в благодарность ее немедленно поместят в сумасшедший дом безо всяких драматических эффектов и полетов в рай на ангельских крыльях.

К тому же существовала еще двойная нить ожерелья из драгоценных камней вокруг талии Деборы. Для сумасшедшего дома вещь бесполезная – там у нее их попросту отберут. Этот аргумент подействовал – шотландская скупость перевесила кальвинистскую чопорность и устранила все угрызения совести.

Потому капитан подобравшего нас корабля и услышал эту историю – что мы, мол, единственные уцелевшие с «Сьюзан Энн». Сраженные уважением Деборы, ни он, ни многочисленные чиновники и репортеры в Ки Уэсте и Нью-Йорке тоже не задавали лишних вопросов.

Разве мог я тогда сказать правду? Рассказать о безымянном затонувшем корабле и черном колесе? Или об адских порождениях острова Рафферти, куда нас толкнули слуги черного колеса...

Меня это привело бы напрямик в тот же самый сумасшедший дом, которым я пугал Дебору!

Но теперь... что ж, думается мне, теперь правда никому не повредит. Я сменил имя и профессию. Думаю также, что в последнее время кругозор человечества расширился, больше внимания уделяется незримым силам. И, разумеется, наука сократила пропасть между реальным и тем, что еще недавно считалось невозможным.

В то время меня звали Росс Фенимор. Мне только что стукнуло тридцать, и я был врачом. Специальностью моей была эндокринология – наука о железах внутренней секреции. Обладая небольшим состоянием, я мог не заниматься врачебной практикой: никаких обязательств перед другими людьми у меня не было, а женой и детьми я еще не обзавелся.

Я сотрудничал с одной нью-йоркской клиникой. Это давало мне возможность вести интересовавшие меня исследования в лабораториях, куда иначе я бы не смог попасть. Я был кем-то вроде «мастера на все руки», помогая там, где возникала необходимость, – ассистировал в операциях и тому подобное. Жил тут же, в больнице, и продолжалось это уже три года.

В тот день я ассистировал Кертсону – оперировали рак груди. Случай был очень тяжелый. Наконец Кертсон отошел от стола и снял маску и перчатки; санитары перенесли пациентку на каталку и увезли. Кертсон – прекрасный хирург; к тому же один из немногих, кто делает всю работу сам, до последнего шва. Я следил, как его сильные тонкие пальцы с артистизмом гениального скульптора порхали над мышцами и нервами, венами и артериями, быстро вырезали, перевязывали, сшивали, чистили, устраняли последние остатки злокачественной опухоли. Его руки словно бы жили своей собственной, независимой жизнью.

Я нравился Кертсону, и он мне доверял. Это следовало из того, что он приглашал меня ассистировать в самых сложных операциях. Я гордился этим доверием.

Медсестры прибирали в операционной. Я проверял инструменты, когда Кертсон с ноткой официальности в голосе довольно резко сказал:

– Когда закончите, зайдите в мой кабинет.

– Конечно, доктор Кертсон.

Я с тревогой стал припоминать все свои действия. Где я ошибся? Кертсон не похож на Костера, единственного другого хирурга такого же ранга в Нью-Йорке. Проводя сложную операцию, Костер взвинчен, как кот, завидевший соперника. На его технику это не влияет, но Боже упаси ассистента или сестру допустить хоть малейшую ошибку – Костер обрушивается на них с такой красочной бранью, что слушать его – одно удовольствие, хотя для виновных она хуже хлыста. А Кертсон как бы не замечает оплошности – конечно, если она не слишком серьезная – и отчитывает провинившегося уже потом, наедине. Но его безразличие, холодность и отчужденность при этом намного хуже высокохудожественной брани Костера. Я не начинающий ассистент и не молоденькая медсестра, чтобы бояться выговора Кертсона, но я очень дорожил его хорошим мнением обо мне, и поэтому в его кабинет вошел с тяжелым предчувствием.

Он с минуту разглядывал меня, потом спросил:

– Сколько времени вы не были в отпуске?

– Три года.

– У вас дважды дрогнула рука, когда вы накладывали зажимы. Вы колебались перед тем, как начать шить, и опоздали, подавая мне зонд.

Спорить было бессмысленно, я кивнул и извинился.

– Ничего страшного не произошло, – продолжал он. – Но могло произойти. И это может повториться в следующий раз. Между хирургом и ассистентом должна существовать полнейшая взаимосвязь. Против нас и так многое. Когда кончается ваш контракт?

Я похолодел. Неужели он собирается выгнать меня?

– Через три месяца, – ответил я.

– И что вы собираетесь делать?

– Возобновить его, если не будет возражений. Мне здесь нравится.

Он покачал головой.

– Вам пора начать работать самостоятельно, конечно, если вы вообще хотите начинать. Даже временная самостоятельная работа даст вам опыт, какого вы никогда не получите здесь. Кроме того, вы нуждаетесь в отдыхе. Джим Бенсон – вы его знаете, он мой пациент, – вместе

с дочерью и друзьями вскоре отплывает на своей яхте. Пару месяцев собирается провести в Карибском море. Судовой врач в последний момент его разочаровал, и он попросил меня подыскать ему другого. Могу я рекомендовать вас? Оплата, разумеется, хорошая, и жить вы будете на правах гостя. Яхта же у него замечательная.

Я колебался: в конце концов, это означало резкую смену моего образа жизни.

Кертсон прибавил:

– Как врач, я это вам предписываю, как друг – советую. Могу предоставить вам двухмесячный отпуск. Когда вернетесь, отработаете последний месяц по контракту – возобновите его, если пожелаете. Но я надеюсь, что вы к тому времени решитесь работать самостоятельно.

Я спросил:

– Есть ли еще причины, из-за которых вы хотите, чтобы я в этом участвовал?

На этот раз заколебался он. Потом все же сказал:

– Да. Профессионально меня очень интересует Бенсон; не хочу, чтобы у него был третьесортный или даже второсортный специалист, если что-то случится. Впрочем, не думаю, чтобы что-либо случилось. Физически он абсолютно здоров. Душевно же...

Нахмурившись, он прошелся по кабинету. Повернулся ко мне.

– Бенсон самодур. Именно так он нажил свое состояние, и с тех пор, как он отошел от дел, эта особенность его характера лишь усилилась. Он, по существу, феодал, его окружают не слуги, а вассалы. Так же относится он к своим партнерам, друзьям и гостям. На его корабле есть все условия для проявления этих особенностей его характера. И есть еще кое-что, из-за чего отношения на борту «Сьюзан Энн» могут накалиться, вплоть до взрыва. И в этом случае я хотел бы, чтобы там находились вы.

Что ж, сказанное Кертсоном означало очень многое, и теперь вряд ли что-то, кроме приказа самого Кертсона, удержало бы меня от плавания на «Сьюзан Энн». Я спросил:

– Когда мне отправляться?

Он хлопнул меня по плечу.

– Молодец! Откровенно говоря, я считаю, что вам предстоит лечить самые обычные недомогания. Морскую болезнь, прежде всего. Если вы понравитесь леди Фитц-Ментон, у нее, вероятно, появятся и другие симптомы. Но поскольку с нею этот жиголо Бурилов, такого, наверное, не случится.

Он рассмеялся так тепло, что я почувствовал, как его доверие согревает меня.

– Когда мне отправляться? – повторил я свой вопрос.

– Как можно быстрее. «Сьюзан Энн» сегодня утром пришла в Майами.

– Если вы договоритесь с администрацией больницы, я улечу завтрашним утренним рейсом.

– Подождите здесь, – сказал он и вышел.

Я принялся вспоминать все, что знал о Бенсоне. А знал я немного. Член советов многих корпораций, по слухам, необыкновенно богатый человек; подозревается в огромном политическом влиянии; жесткий и жестокий к своим врагам.

Мне приходилось видеть фотографии его дочери. Стройная, с широким низким лбом, решительным небольшим подбородком и глазами, слишком большими для лица в форме сердца, она напоминала мне рейнольдсовский портрет леди Гамильтон в костюме вакханки. Очень симпатичная девушка. Звали ее Пенелопа.

О «Сьюзан Энн» я знал больше. Прадед Бенсона был капитаном в сороковые годы прошлого века и владел одним из первых американских клиперов. Корабль тот тоже назывался «Сьюзан Энн». Бенсон гордился своим предком и собрал все, что мог, принадлежавшее его прадеду. Подлинную «Сьюзан Энн» заполучить не удалось – клипер давно погиб, но Бенсону повезло: отыскались чертежи и примитивное, но точное изображение корабля. При-

мерно пять лет назад, заработав огромное состояние и передав большую часть дел младшим компаньонам, Бенсон построил внешне точную копию оригинала, назвав его тоже «Сьюзан Энн». Внутри все было обставлено с современной роскошью, за исключением каюты капитана, в которой жил сам Бенсон, и столовой. Оба эти помещения представляли точные копии тех, что были на корабле его прадеда. На возрожденной «Сьюзан Энн» стояли дизели, но ими почти никогда не пользовались – обычно хватало парусов.

Вплоть до возвращения Кертсона я больше ничего не вспомнил.

– Все улажено, – сказал Кертсон. – Захватите с собой только медицинскую сумку. На корабле прекрасно оборудованный лазарет и есть даже лаборатория. Как у вас с одеждой?

Я ответил, что у меня есть все необходимое, а недостающее раздобуду за несколько часов.

– Ну, что ж, – сказал он, – до свидания, и удачи вам. У вас должен быть отличный отпуск.

Отличный отпуск... Я часто потом вспоминал эти слова.

Вторую половину дня я провел, бегая по магазинам и приводя в порядок свои дела. Утром в четверг Кертсон получил подтверждение от Бенсона. Меня просили прибыть прямо на борт, и я вылетел в Майами.

Первым из окружения Бенсона мне встретился Мактиг. Едва я сошел с самолета, меня окликнули по имени. Тотчас же ко мне подошел ярко-рыжий человек. Такой примечательной шевелюры мне никогда не приходилось видеть. Всклобоченные волосы, казалось, светились в огнях аэродрома. Я, как зачарованный, уставился на эти волосы, и тут их владелец рассмеялся. Я начал было смущенно извиняться, но он оборвал меня:

– Забудьте об этом. Один-ноль в вашу пользу. Если бы сейчас мой факел остался незамеченным, я бы подумал, что вы слишком вежливы или застенчивы, или недостаточно наблюдательны для хорошего врача. Большой Джим заставляет меня спать на левом борту – боится, что если я лягу на правом, проходящие суда могут ночью принять меня за сигнальный огонь!

Он снова рассмеялся и протянул руку. На мой взгляд, ему было около тридцати. Он был примерно моего роста – на два дюйма ниже шести футов, но широкие плечи и мощная грудь создавали иллюзию большего роста, чего никогда не бывает со мной при моем худощавом телосложении. Ясные серо-голубые глаза, широко расставленные, короткий задорный нос, квадратный и тоже задорный подбородок, скулы, широкие, как у славян, и смешливый рот до ушей – разумеется, не красавец: лицо скорее Гермеса, чем Аполлона, но чрезвычайно привлекательное. Первое впечатление усилилось от крепкого рукопожатия и вполне дружеской улыбки.

– Я Мактиг, – представился он. – Один из тех, кого остряки называют партнерами Бенсона. Не удивляйтесь, что я вас узнал – Бенсон запросил у доктора Кертсона ваш подробный портрет и получил его в объеме тысячи слов, включая форму ваших ушей и шрам на правом запястье. Возможно, вас поразило то, что вы удостоились тысячи слов телеграфом, полностью оплаченных заранее, – но должен сказать, что мистеру Бенсону приходится быть осторожным. Он не хочет, чтобы на борт проник какой-нибудь замаскированный злодеи. А если возник вопрос, почему именно я явился встречать вас, то одна из моих обязанностей – предварительный осмотр всех незнакомцев. Если же вас удивляет, почему я так много говорю, – поясню, что я юрист и потому там, где обычный человек тратит слово, я – все десять.

Я рассмеялся; Мактиг все больше нравился мне.

– Ну, идемте, – сказал он. – По-моему, с вами все в порядке. Но наш верховный судья – Бенсон.

Он сделал знак носильщику, который подхватил оба моих саквояжа и Мактиг проводил меня к маленькой спортивной машине. В ней уже кто-то был: стройная девушка с лицом, почти совершенно скрытым широкими полями шляпы.

– Бросай сумки на заднее сиденье, сынок, – сказал Мактиг носильщику, дал ему четверть доллара и обратился к девушке:

– Это доктор Фенимор, Пен. По-моему, он вполне кошерный¹.

Девушка сдвинула шляпу на затылок и улыбнулась. Я узнал Пенелопу Бенсон, и она оказалась гораздо красивее, чем на снимках. Глаза, слишком большие для такого лица, не имели ничего общего с теми глазами слегка навывкате, которыми восхищались живописцы прошлого и которые на деле свидетельствовали о болезни щитовидной железы. Глаза ее были цвета джерсийских фиалок, всегда меня восхищавших, но необыкновенного оттенка – ранее такие мне никогда не встречались. Очень интересно! Фигура стройная и восхитительно развитая. Я подумал, что у нее должна быть отличная реакция и умение сдерживать свои эмоции. У меня сложилось впечатление, что эта девушка способна любую хижину превратить в дворец.

Она протянула мне руку, сказав:

– Если Майк удовлетворен, то я тоже. Садитесь.

Мактиг сел за руль, и мы тронулись. Пенелопа вскользь заметила:

– Надеюсь, леди Фитц и Бурилов будут на пристани. Отец хотел подойти с приливом, а к отливу уйти, и страшно рассердится, если они опоздают.

Мактиг мрачно произнес:

– Даже если они заявятся на пристань под вечер, это будет рекорд. Куда они отправились, Пен?

– По магазинам.

– Бурилову понадобились новые костюмы?

Пен хихикнула:

– Нет. У Рандольфа появились новые купальники, прозрачные, как стекло. Леди Фитц, разумеется, заинтересовалась.

– Она что, эксгибиционистка? – проворчал Мактиг.

– Это пусть у Деборы голова болит, – сказала Пенелопа. – Мне все равно.

– Дебора, – пояснил Мактиг, – это служанка леди Фитц-Ментон. Ее моральные установки столь же высоки, сколь низки у хозяев. Когда будете лечить Дебору от плоскостопия, изучите ее высокую мораль, доктор Фенимор, а потом напишите статью и объясните что здесь причина, а что – следствие. Если справитесь с задачей, можете прославиться.

Пен снова засмеялась:

– Может, и леди Фитц полечить от плоскостопия, Майк? И если выбросить Бурилова, будет трио.

– Нет, Пен, – возразил Мактиг. – Я считаю, что плоскостопие Деборы в мировом масштабе гораздо веселее. Конечно, леди Фитц – сука, но все же корни ее далеки от ада. Конечно, Бурилов страдает нарциссизмом, но сам он – лишь отражение леди Фитц. Нет, я за плоскостопие. И за Дебору. После того, как послушаешь этих двоих, Дебора – как бальзам для моих бедных ушей.

– Майк, – восхитилась Пенелопа, – вы говорите все красочней и красочней!

Я удивленно слушал их. Конечно, я привык к больничной откровенности, но такой разговор был за пределами моего понимания. Пенелопа не походила на девушку, которая способна терпеть такие речи.

¹ По религиозным представлениям иудаизма – пригодный в пищу, приготовленный с соблюдением всех требований. В данном случае – в переносном значении: неопасный, отвечающий требованиям. – *Примечание переводчика*

Но казалось, что она от души забавляется.

– Вы знаете что-нибудь о леди Фитц? – спросила она, повернувшись ко мне.

Я ответил, что нет.

– Она в самом деле очень интересна. Моего отца она забавляет, и поэтому она с нами. Конечно, без Бурилова она бы не поехала. Леди Фитц – дизайнер, она обустривает апартаменты богачам, которые не способны сделать это сами, и берет за это очень дорого. Алексей Бурилов как бы ее компаньон. Она утверждает, что у него отличное чувство цвета. Конечно, он ее любовник, и мне он не нравится. Не потому, что они любовники, нет... – продолжала болтать Пенелопа, – но когда он целует мне руку, я всегда жалею, что не надела перчатку, понимаете? Но все же он бывает забавен... иногда.

Мактиг хмыкнул. Пен продолжала:

– Да, он забавен. У него прекрасный баритон, доктор, и когда он опустошит две бутылки коньяку, то может замечательно исполнить песню пьяных из «Бориса Годунова». Беда в том, что при этом он ломает мебель, – но мне говорили, что его предшественники были еще хуже. Леди Фитц – одна из тех, кому приписывают фразу: «От мужа такая же польза, как от головной боли». Чтобы возбудить леди Фитц, нужно что-нибудь экзотическое. Предшественником Бурилова был турецкий борец... – Она помолчала. – Должно быть, это что-то на гормональном уровне, – добавила она задумчиво.

Мактиг улыбнулся.

– Ну, у дока будет достаточно времени для диагноза. Кстати, вот и «Сьюзан Энн».

Я плохо разбираюсь в кораблях, но даже опытный моряк был бы восхищен красотой «Сьюзан Энн». Когда я вспоминаю, какой великолепной она была тем вечером, когда думаю о гибели такой красоты, на сердце у меня становится тяжело.

Она медленно входила в гавань. Паруса были подняты, и все прожектора гавани были устремлены на их белизну. В пурпурном сумраке яхта плыла, едва касаясь воды. Словно прекрасный призрак прошлых дней стал материальным и плыл к нам сквозь время. Это был не просто корабль – «Сьюзан Энн» была живой. Я видел ее смелость и терпение, видел странную мудрость моря... и я понял вдруг, почему в большинстве языков мира слово «яхта» женского рода.

Те из вас, кто не любит моря, возможно, не поймут меня, но те, кто любит, поймут. И повторю, что когда я вспоминаю «Сьюзан Энн», слезы наворачиваются у меня на глаза. Потому что она видится мне не погибшим кораблем, а прекрасной и горячо любимой женщиной, оскверненной и убитой...

Не знаю, сколько времени я простоял, глядя на корабль. Наконец я осознал, что Мактиг остановил машину, и они с Пенелопой с любопытством смотрят на меня.

– Любовь с первого взгляда, – сказал ей Мактиг.

Пен серьезно ответила:

– Если он сможет выразить в словах то, что у него на лице, мой отец построит для него больницу.

– Я же говорил: с ним все в порядке.

– Да, теперь и я это вижу.

Я ничего не ответил, все еще очарованный такой красотой. Машина двинулась дальше, и мы въехали на пристань. «Сьюзан Энн» бросила якорь посреди бухты. Паруса убрали. Мактиг оставил машину ожидавшему слуге, и мы поспешили к катеру. Навстречу нам поднялись мужчина и женщина. Меня представили им: леди Фитц-Ментон и мистер Алексей Бурилов. Женщина равнодушно бросила: «Здравствуйте» высоким музыкальным голосом, мужчина был чуть более приветлив. Помимо холодного кивка, они не уделили никакого внимания Мактигу.

По пути на клипер я рассмотрел их. Леди Фитц-Ментон была женщина высокая, стройная, со своеобразной угловатостью, свойственной многим англичанкам. Волосы ее были насыщенного золотисто-каштанового цвета, короткие и вьющиеся, – я решил, что тут не обошлось без хны. Лицо маленькое и скуластое, зеленые, очень чистые и яркие глаза, прекрасный лоб, маленький нос и рот хорошей формы, хотя и тонкогубый: внешность не бросакая, но, несомненно, привлекательная.

Не знаю почему, но мне казалось, что Бурилов должен выглядеть женственным. Ничего подобного. Никогда не видел такого мускулистого человека; добрых шести футов ростом, подвижный и длинноногий. Своеобразные золотисто-карие глаза с густыми ресницами, в разрезе их читалось полускрытое высокомерие. Ширина лица, разворот скул были типично славянскими. У него были полные, чувственные подвижные губы – рот певца или актера. Я не понимал, почему Мактиг счел его склонным к нарциссизму, но решил, что он употребил это слово не в медицинском смысле. Единственной неприятной чертой его были уши, маленькие, плотно прижатые к голове и явно заостренные. Волосы – коротко остриженные, черные. На первый взгляд Бурилов был весьма симпатичен, и я удивился, почему Пен испытывает к нему физическое отвращение... и физическое ли?

Я снова повернулся к клиперу. С близкого расстояния он выглядел еще более прекрасным, чем издали – более человечным и дружелюбным.

Едва я ступил на палубу, кто-то проревел:

– Встретили его, Майк?

В пятидесяти футах от нас на мостике стоял высокий худой человек, крепко сжимая руками штурвал. Его лысая голова блестела в свете прожекторов. Наклонившись вперед, он рассматривал нас. У него был длинный тонкий нос, широкий рот с тонкими губами и заостренный, как у Пен, подбородок, но более длинный, который никто не назвал бы изящным.

Мактиг крикнул в ответ:

– Да, сэр, – и, повернувшись ко мне, добавил: – Это Бенсон.

Но еще до слов Мактига я понял, что это и есть Бенсон. Мне пришла в голову мысль, что это мог бы быть и янки, капитан старого клипера, прадед нынешнего владельца, и что реставрация «Сьюзан Энн» – вовсе не простой каприз.

Бенсон снова взревел:

– Как он?

– Все в порядке. Хотите поговорить с ним?

– Позже.

Мактиг улыбнулся и сказал мне:

– Вам придется привыкнуть к отсутствию формальностей на этом корабле. Сейчас отнесем вещи в вашу каюту. Можете спуститься и распаковать их, а можете остаться на палубе и понаблюдать за отплытием. Бенсон еще около часа не отойдет от штурвала.

Я решил остаться на палубе. Мактиг кивнул:

– Хорошо. Тогда идемте, я познакомлю вас с остальным цирком. Вокруг Пенелопы уже собралась небольшая группа, и Мактиг отвел меня туда. Коренастая, серьезная женщина что-то торопливо говорила леди Фитц-Ментон. Двигалась она как откормленный голубь, лицо спокойное и безмятежное, как яйцо. Это явно была шотландка. Взяв свертки у Бурилова, она ушла.

– Дебора, – подтвердил Мактиг мою догадку.

Меня представили собравшимся. Круглый, розовощекий, улыбающийся маленький священник англиканской церкви оказался преподобным доктором богословия Сватловым. Рядом с ним стоял высокий, худой и очень смуглый человек, примерно ровесник Мактига, – Тадеус Чедвик, второй из младших партнеров Бенсона.

Преподобный доктор Сватлов казался типичным священником для богатых: вежливый, терпимый, из тех людей, что способны разьяснить маленькую дилемму насчет того, что легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому – на небо.

Сестра его Флора оказалась красавицей, меланхоличной брюнеткой, умеющей пользоваться своими глазами, с пышными черными волосами, собранными вокруг маленькой головки, с роскошной грудью и ртом, которого явно не было среди искушений святого Антония. У нее было мягкое хрипловатое контральто, такое приятное, что не сразу поймешь, что в самих словах нет никакого смысла. У меня возникла мысль, что чересчур привлекательная внешность иллюзорна и во Флоре нет внутреннего огня, что теплота ее лишь внешняя, а за ней скрывается трезвый, расчетливый ум. Хорошо изолированный холодильник в тропическом оформлении.

Никто не обращал на меня особого внимания, все оживленно болтали друг с другом. Команда поднимала якорь, ставила паруса, и вскоре «Сьюзан Энн» развернулась в сторону открытого моря. Некоторое время я слушал и наблюдал: до сих пор мне не встречались за пределами больничной обстановки люди этого круга. Когда корабль закачался на волнах открытого моря, все разошлись. Мактиг отвел меня в мою каюту.

– Бенсон пошлет за вами, но не знаю, когда. Если он ведет клипер, часы ничего для него не значат. Обычно я переодеваюсь и сплю, пока меня не позовут.

У двери он остановился.

– Странное общество на борту, но не более странное, чем сам Большой Джим. И я такой же, как все остальные. Надеюсь, вы привыкнете.

И ушел.

Я распаковал багаж, надел пижаму и выкурил сигарету, вспоминая первые впечатления знакомства. Подумал о Чедвике: возможно, тут было какое-то соперничество из-за Пенелопы, но я чувствовал, что дело серьезнее. Мне показалось, что Флора Сватлов испытывает явный интерес к Мактигу и не очень доброжелательно настроена по отношению к Пенелопе. И что Бурилов находит Флору очень привлекательной, чем и вызваны холодные замечания, адресованные ему леди Фитц-Ментон.

«Странное общество», – вспомнил я слова Мактига. Но, по подсказке Кертсона, больше всего меня интересовал сам Бенсон; он стоит за штурвалом своего корабля, как некогда стоял его прадед; думает так же, как его предок. Правитель крошечного мирка на «Сьюзан Энн». Его правосудие... Подумав об этом, я понял, почему Кертсон испытывал такие предчувствия.

Но долго размышлять мне не пришлось. Корабль мягко раскачивался на волнах, и вскоре я уснул.

Проснувшись, я увидел Бенсона. Он сидел в кресле, скрестив длинные ноги, курил сигарету и разглядывал меня. Его холодно-серые глаза под густыми бровями были окружены густой сетью морщин. Такие морщины оставляют солнце и соленая вода в уголках глаз старых моряков. В глазах светился юмор, как и в разрезе тонких губ. Я сел и сказал:

– Простите, если заставил вас ждать. Я думал, вы пошлете за мной.

Он ответил:

– Я люблю наблюдать за человеком, который может оказаться для меня важным, когда он спит. Тогда человек утрачивает бдительность. Раскрывается. И я могу кое-что увидеть.

Я удивленно смотрел на него, не понимая, шутит он или нет, и следует ли рассмеяться. Он повторил:

– Да, я могу кое-что увидеть. То, что не выявить при самом напряженном перекрестном допросе. Этой хитрости я научился у своего прадеда, капитана Джеймса Бенсона. Слышали о нем?

Я ответил, что слышал, что он – знаменитый моряк и плавал на одном из лучших американских клиперов. Его корабль тоже назывался «Сьюзан Энн» и что, как я понимаю, этот корабль – точная его копия. Бенсон был явно доволен.

– Не совсем точная, – возразил он. – Но когда-нибудь будет точной. Вот эта каюта, например...

Он с явным неодобрением осмотрелся, потом добавил:

– Ну, так вот, о спящих, старый капитан Бенсон, когда подозревал кого-то из своего экипажа, пробирался к нему ночью, когда тот спал, и сидел рядом. И узнавал, что хотел, от потерявшего бдительность разума. Однажды ему удалось так предотвратить мятеж, прежде чем тот начался. Так говорится в его личном судовом журнале...

Бенсон резко сменил тему:

– Кертсон говорил, что вам уже за тридцать, и что вы прекрасный специалист. Почему не ведете свой собственный корабль?

Я вкратце объяснил причины своего пребывания в больнице. Он кивнул.

– Но человек может слишком надолго застрять в помощниках, мистер, – пусть даже в первых помощниках. Лучше начать вести свой собственный корабль в молодости, даже с риском потопить его. Почему вы захотели плыть со мной?

Я слегка раздраженно ответил:

– Потому что Кертсон считает, что вам на борту нужен хороший врач. И потому, что считает, что мне необходим отдых.

Он рассмеялся.

– Откровенный ответ, и мне это нравится. Итак, вы пришли ради меня и ради отдыха. Ну что ж, может, получится, а может, и нет. Море – женщина, и поэтому оно непредсказуемо. На море случается такое, что немыслимо на берегу.

Много раз в течение следующих недель я вспоминал эти слова.

Бенсон снова резко сменил тему:

– Мактиг сказал мне, что вам понравилась «Сьюзан Энн».

Я постарался высказать то, что почувствовал, впервые увидев клипер. Я говорил искренне; Бенсон это понимал, но слушал без всякого выражения, внимательно глядя на меня.

– А увидев вас за рулем, – закончил я, – я подумал: старая «Сьюзан Энн» пришла из прошлого не одна... она прихватила с собой своего капитана.

– Вот, значит, что вы подумали. – Он встал со стула. – Вот как... Ну что ж, во всяком случае, вы ближе всех подошли к тому, как я вижу «Сьюзан Энн». Оказывается, я в долгу у Кертсона.

Он задумчиво потер подбородок, потом поманил меня:

– Идемте в мою каюту.

Я прошел за ним к двери. Как когда-то, капитанская каюта располагалась на корме. Бенсон придержал дверь, пропуская меня, и я почувствовал, что оказался в самом сердце старого клипера.

Каюта занимала почти всю ширину корпуса, два прямоугольных иллюминатора выходили на корму, по одному круглому – на правый и левый борта. По обе стороны от двери – окна. Стены из тика, темные и тускло блестящие, как будто отполированные временем; через потолок проходили грубо вырубленные балки. Над большим черным столом висела старая масляная лампа, отбрасывая бесформенные серые тени. Я решил, что горит китовый жир, как некогда на первой «Сьюзан Энн». А может, это та самая лампа. В нишах на стенах стояли другие лампы – меньшего размера, с сеткой от ветра. В углу – старинный столик с часами на нем. У стены – большой шкаф. Много роскошных ковров – из Китая и Индии. Но

все это я заметил позже, а сейчас мое внимание привлёк портрет, висевший на противоположной от входа стене.

Сперва я решил, что это портрет самого Бенсона. Но потом, подойдя ближе, понял, что это не так: картина была явно старая, а человек на ней одет в наряд, какой носили капитаны лет сто назад. Но каждая черта его лица – лысая голова, холодные серые глаза, длинный тонкий нос с широкими ноздрями, от которых глубокие морщины тянутся к углам тонкого рта – все в нем напоминало человека, стоявшего передо мной. Бенсон станет таким, может, лет через двадцать. И я понял, что любовь Бенсона к своему кораблю – не каприз, а нечто гораздо более глубокое. В третьем поколении хромосомы, эта микроскопическая связка молекул, в которой записана вся наследственность, повторились: они точно воспроизвели физические характеристики прадеда. Повторились ли и умственные его характеристики, нервная сеть мозга, которую одни называют личностью, а другие – душой? Вероятно. А до некоторой степени и несомненно. В какой-то мере человек, стоявший передо мной, и был старым капитаном. Мое первое впечатление оказалось верным. Новая плоть и кость, как для яхты – новые балки и корпус, но душа и личность те же. Но самый интересный вопрос – насколько те же?

Бенсон будто прочел мои мысли и заговорил, уверенный, что я знаю, кто изображен на портрете:

– Часто, стоя у руля, я чувствую его в себе... он смотрит моими глазами, слушает моими ушами, руки его в моих, словно в перчатках... да, мы с ним здесь, в этой каюте...

Он смолк, и в его бледных глазах появилось подозрительное выражение.

– Кертсон что-нибудь говорил вам об этом? – вдруг спросил он.

– Нет, – ответил я.

Но я понял, что имел в виду Кертсон, когда предупреждал, что есть особые причины, из-за которых страсть Бенсона к господству может превысить на море разумные пределы.

Бенсон некоторое время смотрел на меня, потом, словно удовлетворенный, кивнул:

– Садитесь.

Он сидел молча, глядя на меня, потом вдруг разразился монологом о своем экипаже. Насколько возможно, он подбирал его из потомков тех людей, что когда-то плавали на первой «Сьюзан Энн». Большинство из них были из Новой Англии, из штата Мэн, из Глочестера, из Бедфорда. Рыбаки, умеющие обращаться с парусом, знающие все течения, и ветра ньюфаундлендского берега в любое время года. Четырнадцать человек, все опытные моряки, просоленные, продутые ветрами и продубленные морем.

Капитан Джонсон из Глочестера – прямой потомок первого помощника со старой «Сьюзан Энн». Бенсон отыскал его в Новом Брунсуике, куда тот переехал. Отличный капитан, моряк Божьей милостью!

Верен старым традициям, которые изжили эти паровые щеголи. Два помощника, крепкие парни; два квартирмейстера, тоже крепкие ребята. Бенсон платит им хорошо, чертовски хорошо, но они того заслуживают.

Главный инженер Маккензи – шотландец. Маккензи ему нравится, но черт бы побрал его дизели – им здесь не место. Он ими никогда не пользуется, кроме крайней необходимости, и старается о них забыть. Но в конце концов пришлось пойти на некоторые уступки делу – из-за него нужно быть в определенном месте в назначенное время. Когда его дочь выйдет замуж, – а он считал, что это произойдет скоро, – он намерен полностью отойти от дел. Тогда он выбросит моторы, переоборудует роскошные каюты и направит «Сьюзан Энн» на Восток, по следам старого капитана Бенсона.

Экипаж знает о его намерениях и полностью его поддерживает, даже оба кока: баск по имени Фелипе и негр из Филадельфии, помощник Фелипе, почти такой же опытный. Его зовут Слим Бэнг, и на клипере старого капитана Бенсона был кок с таким же именем.

Старому капитану нравилась его стряпня, а он был в этом привередлив. Если приходилось, он мог питаться сухарями, но ему это было не по вкусу...

Тут пробили шесть склянок; Бенсон резко встал и сказал:

– Я никогда не разговаривал с Кертсоном так, как с вами. Быть может, я об этом пожалею... но сейчас мне это помогло. Спокойной ночи.

Он открыл дверь, и я направился в свою каюту.

2. Дебора дает разъяснения

Было три часа ночи, когда я уснул, но с восходом солнца я уже был на ногах. «Сьюзан Энн» убаюкивала меня, но теперь плеск волн говорил, что я поспал достаточно. Я посмотрел в иллюминатор. По-прежнему дул попутный ветер, взбивая на гребнях волн пенные белые вымпелы. Золотые ленты водорослей прошивали голубое море. Из воды выпрыгивали летучие рыбки, вспыхивали на солнце и ныряли обратно в заполненные расплавленным сапфиром провалы меж волн. Поднялась волна, сверкнув на солнце сияющим изумрудом, прямо из центра ее барракуда смотрела вслед ушедшей от нее летучей рыбе. Волна схлынула, и барракуда исчезла. Я торопливо принял душ, оделся и вышел на палубу.

У борта стоял Мактиг. Рядом с ним – Флора Сватлов, ее легкую одежду трепал ветер, и она держалась поближе к Мактигу. Когда я подошел, оба повернулись ко мне, и в глазах Мактига появилось явное облегчение, а в глазах Флоры – раздражение. Дневной свет не уменьшил ее красоты. У нее оказалась кремово-оливковая кожа, какая бывает у брюнеток; ни на коже, ни на алых губах – ни следа косметики. Она была так ослепительно прекрасна, что я подумал: может, в душе ее и правда есть огонь. Что бы она ни испытывала ко мне, как бы ни сердилась, но поздоровалась она очень вежливо.

Мактиг сказал:

– Капитан Джонсон справлялся о вас. Я провожу вас к нему. До завтрака, Флора.

Мы направились на корму.

– Разговаривали с Большим Джимом? – поинтересовался Мактиг.

– Не очень долго. По-моему, я прошел испытание.

У руля стоял коренастый моряк, рядом – капитан Джонсон, рослый и худой, как и сам Бенсон, с обветренным лицом, маленькими пронизательными серыми глазами и копной волос песочного цвета. Когда Мактиг нас знакомил, он протянул мне узловатую руку.

– Надо выполнить некоторые формальности, – сказал капитан. – Сейчас спустимся ко мне в каюту и займемся этим. После завтрака вы, наверное, захотите провести обычный осмотр экипажа.

Он дал краткие указания рулевому. Спускаясь по трапу, я заметил невдалеке всплеск юбки Флоры Сватлов. Мактиг, очевидно, тоже, потому что спросил, не возражаем ли мы, если он пойдет с нами. Пока я отвечал на вопросы и подписывал бумаги, он сидел в каюте, задерживая нас под тем или иным предлогом, пока не прозвучал колокол.

– Завтрак, – объявил Мактиг. – Идемте. Хозяин любит пунктуальность.

Однако, когда мы вышли из каюты капитана, Мактиг не слишком торопился, и потому, войдя в столовую, мы уже всех застали за столом. Во главе стола сидел Бенсон, справа от него Пен и слева – леди Фитц-Ментон. Рядом с ней – Бурилов, доктор Сватлов сидел возле Пен, а дальше – Флора. Рядом с ней развалился Чедвик. Увидев нас, он вскочил и жестом пригласил Мактига занять освободившееся место. В его взгляде сквозила насмешка.

Мактиг вспыхнул и сказал:

– Сидите, Чед. Я сегодня позабочусь о докторе.

Флора бросила на него укоризненный взгляд. Я видел, как Бенсон взглянул на освободившееся место, потом на Чедвика, на Мактига, на мгновение задержался на Флоре, потом – на Пен.

Чедвик сокрушенно поник:

– О, простите. Я только подумал...

И не сказав, о чем он подумал, сел на место. Но Мактиг еще сильнее побагровел, а Бенсон снова обвел взглядом всех четверых.

На птичьем лице леди Фитц появилось восхищенное выражение. Она мечтательно сказала:

– В такое утро Бог любит свой мир разве вы этого не чувствуете, мистер Мактиг?

– Нет – хмуро ответил тот.

Леди Фитц вздрогнула, потом укоризненно погрозила пальцем.

– Тогда в вас нет гармонии. Вы настроены на неверные мысли, мистер Мактиг. Вы должны повторять: «Бог любит свой мир. Бог любит все что есть в его мире. Я часть Божьего мира. Значит, Бог меня любит». Вы должны повторять это снова и снова, пока не достигнете гармонии.

Я удивленно посмотрел на нее, – но она, очевидно, говорила искренне. Пен хихикнула и сказала:

– Начинайте, Майк. А мы все вас поддержим.

Преподобный Сватлов, казалось, слегка обиделся. В глазах Бенсона блеснули огоньки. Мактиг совсем залился краской и выразительно заявил:

– Вздор!

Пен снова хихикнула и воскликнула:

– О, Майк, как грубо!

Леди Фитц поддакнула:

– Очень грубо. Клянусь, вам сегодня очень плохо, мистер Мактиг.

И завтрак пошел как ни в чем не бывало. Тянулся он долго. Я все больше и больше удивлялся, чувствуя себя посторонним наблюдателем среди какой-то незнакомой мне фауны. Во время работы в больнице я, конечно, сталкивался с различными случаями душевных и умственных расстройств, но никогда не видел людей, которые, внешне оставаясь нормальными, проявляли бы столько странностей в речи и поведении.

Казалось, у них нет никаких сдерживающих начал. Они с абсолютной откровенностью говорили все, что придет в голову; впрочем, за исключением доктора Сватлова, да и тот все воспринимал с благожелательной терпимостью. В разговоре поднимались темы, которые обычно обсуждают только в очень интимном или научном кругу. Никто, даже Бенсон, казалось, не обращал никакого внимания на то, что чувствуют остальные. Время от времени кто-нибудь начинал сердиться, но на собеседников это никак не действовало: они продолжали оскорблять, обсуждать или анализировать друг друга, словно говорили о лабораторных кроликах. В течение последующих дней я постепенно привык к этому, но в первое утро бывали минуты, когда я чувствовал себя совершенно сбитым с толку.

Бурилов хмурился и не принимал участия в общем разговоре. Время от времени леди Фитц что-то шептала ему, но он только качал головой и что-то бормотал. К концу завтрака она взяла его за руку, похлопала по ней, после чего на своем образцовом английском сказала:

– Алексей, скажи нам, что тебя тревожит? Твоя аура потемнела. Твои поля негармоничны. Они зловещи, Алексей. В одиночку я с ними не справлюсь. Расскажи нам, дорогой друг, что тебя беспокоит. Освободи свой мозг, раскрой его перед нами. Все сконцентрируйся и заполняй его добрыми мыслями. Ну же, мой друг!

Она посмотрела на нас, разведя руки. Я оглядел остальных, ожидая увидеть удивленные или насмешливые лица, но никто не посчитал слова леди Фитц странными. Пен пропела:

– Великолепно! Конечно, мы все сконцентрируемся. Раскройте свой мозг, мистер Бурилов!

Мактиг сказал:

– Мне все равно, опустошит он свой мозг или нет. Но я не хочу ничего туда вносить.

Никто не обратил внимания на это неприятное заявление. Бурилов драматично встал.

– У меня была ужасная ночь. Я промучился до утра.

Он поднес руки к голове и развел их, закрыв глаза. Мактиг негромко захлопал в ладоши и воскликнул:

– Прекрасно, Бурилов! Второе действие «Аиды». Радамес впадает в отчаяние. Прекрасно!

Бурилов махнул рукой, словно отгоняя надоедливое насекомое, положил руки на стол и прошептал:

– Я получил предупреждение. Оно и омрачило мне душу.

Леди Фитц побледнела.

– З... змеи? – шепотом спросила она. Бурилов медленно, торжественно кивнул:

– Змеи. Вы этого не знаете, друзья, поэтому я расскажу. Когда кому-нибудь из Буриловых угрожает опасность, – и так продолжается уже семьсот лет, – к нему во сне являются три змеи. Они сплетаются и становятся одной, и эта змея говорит... – Голос Бурилова понизился до какого-то почти сверхъестественного шипения. – Прошлой ночью они пришли ко мне...

Леди Фитц смотрела на него, как птица на змею. Флора Сватлов прошептала:

– Какой ужас!

– Вздор! – уронила Пен.

Мактиг бросил:

– Ставлю десять долларов, что знаю, что сказала вам ваша змея, Бурилов.

Бурилов сердито посмотрел на него.

– Что... вы можете сказать?

– Конечно. – Мактиг был оживлен и уверен в себе. – Принимаете пари?

Пен вмешалась:

– О да, примите, мистер Бурилов! Докажите, что он блефует. Но помните: Майк иногда может предсказывать. Второе зрение и все прочее.

Бурилов беспомощно осмотрелся, как актер, который видит, что его роль испорчена, вымученно улыбнулся и прорычал:

– Говорите.

– Ну, ладно, – сказал Мактиг. – Она сказала: «Алек, сократи порции водки с трех до одной». Спокойней! – обратился он к остальным за столом. В основе – Фрейд. Змеи – выпивка. Три змеи – три порции. Змея превращается в одну – подсознательное предупреждение сократить три порции до одной. Почему водка? Бурилов ее больше всего любит.

Он встал, театрально поклонился, подражая русскому, и сказал:

– Благодарю за внимание. Аплодисментов не надо.

Бурилов с яростью смотрел на него. Леди Фитц вспыхнула:

– Ну, скажу я вам!..

В это короткое выражение она вложила те чувства, какие испытывает королева, обнаружив в своем супе таракана. Она усадила Бурилова рядом с собой. Бенсон спокойно, словно Бурилова здесь нет, спросил:

– Зачем это вы, Майк, говорите так, что у всех волосы встают дыбом? У Бурилова есть свои недостатки, но он безобиден, и мне нравится его голос. А теперь вы сбили леди Фитц с ее мыслей. Есть ли в этом смысл?

Мактиг оживленно ответил:

– Совесть, сэр. Служба обществу. Человек, который выводит людей из себя, оказывает им большую услугу. Гораздо лучше быть бобом, прыгающим в расплавленном жиру, чем послушным куском масла, который покорно тает на сковороде.

Пен с искренним восхищением воскликнула:

– Майк, вы можете повторить это?

Мактиг повторил.

Чедвик сухо заметил:

- Такая «служба обществу» может подарить вам нож в спину.
- Уж вы-то должны это знать, Чед, – так же сухо ответил тот.

Чедвик рассмеялся, но Мактиг добился своего, ибо на этот раз покраснел все же Чедвик.

Вскоре завтрак окончился. Остальную часть утра я осматривал экипаж и приводил в порядок свой кабинет. Когда я поднялся на палубу, Бенсон был за штурвалом, рядом с ним стоял доктор Сватлов и что-то читал. Остальные находились на передней палубе – женщины в купальниках и мужчины в шортах, все болтали и смеялись, очевидно, забыв вражду. Время от времени Бурилов начинал петь приятным баритоном.

Ленч все могли получить, где хотели. Бенсон требовал, чтобы все присутствовали только на завтраке и ужине. По приглашению капитана Джонсона я перекусил с ним и там же познакомился с инженером Маккензи, первым помощником Хендерсоном и Смитсоном – вторым помощником. Первый помощник оказался типичным рыбацким капитаном из Новой Англии, второй – приземистым и мускулистым выходцем из Новой Шотландии, с жестким лицом и холодными глазами; выглядел он так, будто кипел в котле неприятностей на всех семи морях. Он был молчалив и имел привычку смотреть в сторону, будто знал что-то особое. С первого взгляда Смитсон мне не понравился, и мне суждено было впоследствии еще больше его невзлюбить. Радиста звали Брукс, это был красивый, старательный и впечатлительный парень двадцати четырех лет. Бедняга Брукс...

Днем я встретился с Деборой. Помня советы Мактига и Пенелопы внимательней заняться ею, я уделил ей больше времени. Ее шотландское лицо с круглыми, слегка навывкате, невинными карими глазами было еще менее выразительным, чем показалось мне с первого взгляда. У нее был широкий рот со сжатыми губами, маленький круглый нос пуговкой. Выглядела она так, словно ничто на свете не может ее испугать или даже удивить, как будто она когда-то обнаружила, что на всякий вопрос есть только один ответ, и она его знает. Может, это и иллюзия, но Дебора всеми силами держалась за свою иллюзию. Наиболее примечательно было исходящее от нее ощущение абсолютной, несокрушимой благопристойности. Оно было более материально, чем ткань ее платья. Представить, что Дебора допустит какое-то моральное прегрешение, было невозможно – легче вообразить, что благовоспитанная курица высиживает крокодила. Я ощутил легкое сочувствие к леди Фитц.

Похоже, что Дебора всегда «слегка недомогала» на борту. Когда она описала симптомы, мне стало ясно, что ее привел ко мне не недуг, а любопытство. Она засыпала меня множеством вопросов, четко сформулированных, которые далеко выходили за пределы обязанностей судового врача. Среди них – и вопрос о моих «религиозных убеждениях». У нее был шотландский акцент, но проявлялся он только когда она волновалась, и я не буду обращать на него внимания, цитируя ее слова. Уходя с простыми лекарствами, которые я ей прописал, она заметила, что на борту собралось «общество безбожников» и что я хорошо сделаю, если припомню заповеди, которым обучили меня родители, добавив, что нам еще найдется о чем поговорить, потому что врач и священник во многом схожи, при всем ее уважении к священнику. Я ответил, что если она имеет в виду тайну исповеди, то она совершенно права. Сказав, что она именно это имела в виду, Дебора наконец ушла.

В следующие четыре дня каждый час на борту «Сьюзан Энн» в точности походил на все предыдущие. Сражения за стол и перемирие на залитой солнцем палубе. Я с интересом заметил, что Флора преследует Мактига все настойчивей и коварней, либо по совету Чедвика, либо просто чтобы вывести Мактига из себя, либо по какой-то другой причине. Я был уверен, что и Пен тоже это заметила, но, как и меня, это ее только забавляло. Также ясно было, что Бурилов не отказался от ухаживания за сестрой пастора. И столь же очевидно, что Бенсон следит за этим с каким-то полужиничным интересом.

Но к жизни на борту корабля быстро привыкаешь, и вскоре я обнаружил, что уже не обращаю внимания на то, что в первое утро меня так удивило. Большую часть времени я проводил в своей крохотной лаборатории.

На пятый день у меня произошел любопытный разговор с Деборой. Она пришла ко мне в кабинет с вязанием и, безо всякого «с вашего позволения», уселась. Я лениво читал, делать мне было нечего, и потому я приветствовал ее появление.

– Ее милость, – объяснила Дебора, – отдыхает. Меня на время отпустили. Ее милость сказала, что ей будут сниться дурные сны, если я сижу рядом. Вот ее точные слова, доктор Фенимор: «Я уверена, что это будут на редкость чопорные сны. Этого я не вынесу. Уйдите от меня как можно дальше, только за борт не свалитесь. Не затем, что мне будет жаль столь респектабельную особу – просто мне будет неудобно, если вы утонете!»

Впервые я увидел нечто человеческое на лице Деборы – дрожь негодования; спицы в ее руках слегка дрожали.

– Особа! – сказала Дебора. – Респектабельная особа! И я могу отправляться за борт, если это не повредит ее милости! Каково!

Она пропустила петлю, исправила ее и сказала:

– Я решила хоть немного побыть в обществе богобоязненного человека.

Слегка ошеломленный этой незаслуженной данью моей набожности, я смог только поклониться и сказать, что рад ее видеть. В дальнейшем выяснилось, что у Деборы есть необходимость оправдаться.

– Вы, несомненно, спрашивали себя, доктор Фенимор, – сказала она, снова успокоившись, – почему это я, богобоязненная шотландка, остаюсь с такой мирской женщиной, как ее милость? Я объясню. Как кальвинистка, я верю в предначертание. Я верю, что Бог уже отделил агнцев от козлиц и что сделал он это с самого начала. И неважно, что сделают его избранные: назначение их – небеса. Неважно, добрые или злые поступки совершат те, кого он проклял: их назначение – ад. Я хорошо знаю, что я избранная. И я благонравна, поскольку хочу такой быть. Но если бы я не была такой, это не имело бы никакого значения. Я могла бы стать, – добавила Дебора поразительное признание, – вавилонской блудницей, но мое место по-прежнему было бы на небесах. Мне тяжело это признать, но ее милость – изначально проклята. Сколь бы распутной и злой она ни была, она не станет более проклятой, чем уже есть. И ее распутство и злоба не могут запятнать меня. К тому же, – добавила Дебора, – она мне очень хорошо платит. Мне кажется, я полностью ответила на вопрос, который вы себе задавали.

Я подтвердил, что полностью.

– Поняв, почему я терплю ее милость, вы, несомненно, спросите почему я терплю мистера Бурилова, учитывая отношения, которые несомненно, их связывают.

– Я ничего подобного не спрашиваю, – ответил я, испытывая неловкость. – К тому же это не мое дело.

– Я вам отвечу, – невозмутимо продолжала Дебора, делая очередную сложную петлю в своем вязании. – Потому что он – часть ее распутного зла. Сам по себе он ничто, понимаете? И даже если бы был чем-то, он тоже изначально осужден. Поэтому мне все равно, кто делает распутное зло ее милости полным. И моей избранности это не уменьшает. Я ясно выражаюсь?

– Предельно ясно, – ответил я.

– Были и похуже мистера Бурилова, – продолжала Дебора. – Гораздо хуже, если допустимо сравнивать орудия распутного зла. Я вам расскажу, как они встретились. Ее милость была в то время в Штатах, где у нее красивый дом у моря. С мистером Буриловым она уже однажды встречалась в Париже. Он из старинного русского рода. И он беден. Но у него есть друзья, которые дали ему денег, чтобы он поехал в Штаты. Он должен был заплатить им,

если его поездка окажется удачной. Он приехал и возобновил свое знакомство с ее милостью. Сначала она им не заинтересовалась, хотя он забавлял ее своим пением и выходками; но она позволила ему жить в своем доме. Особых успехов у него не было.

– Потом, – продолжала Дебора, откладывая вязание и наклоняясь ко мне, – примерно в два часа ночи в доме не было никого, кроме ее милости и меня. Послышался громкий стук в дверь, как при нападении. И мы услышали, как мистер Бурилов кричит, чтобы его пустили. Ее милость застонала и вздрогнула, и я спросила, позвонить ли в полицию. Но ее милость сказала «Нет». И тут дверь с громким треском разлетелась. Я вся похолодела, но ее милость по-прежнему не позволяла мне вызвать полицию. «Я храбрая женщина, Дебора, – сказала она, – и встречу все, что бы меня ни ожидало». Было слышно, как мистер Бурилов кричит и топает по лестнице. Он появился у входа в спальню ее милости и казался очень пьяным, но позже у меня в этом сомнения. Ее милость вскрикнула и побежала, мистер Бурилов погнался за ней. Ее милость была одета только в шелковую ночную рубашку. Она пыталась укрыться в дальней комнате, но мистер Бурилов догнал ее. Ее милость стояла, дрожа, закрыв лицо руками, но она храбрая и не закричала. Тогда мистер Бурилов рассмеялся ужасным смехом, вот так: ха-ха-ха!..

Подлинно демонический смех никак не сочетался с ее безмятежным лицом. Я спросил:

– А что было потом?

– Потом мистер Бурилов протянул руку и сорвал с ее милости ночную рубашку. Она стояла, дрожа, закрыв лицо, совершенно голая. И что, вы думаете, сделал мистер Бурилов?

Я легкой дрожью ответил:

– Вы считаете, вам следует об этом рассказывать, Дебора?

– Я скажу вам, что он сделал, – невозмутимо продолжала Дебора. – Он тоже закрыл свое лицо руками и дважды воскликнул: «Ужасно! О, как ужасно!»

– И бежал! – прошептала Дебора, торжественно кивая головой. – И бежал! – повторила она. – Только тут прорвался праведный гнев ее милости, и она велела мне вызвать полицию. Но было уже поздно. Мистер Бурилов исчез.

– Ее милость, – продолжала Дебора, – была в ярости. Она приказала отыскать мистера Бурилова. Готова была отправить его в тюрьму. Но три дня спустя ей сказали, что он болен, находится на пороге смерти и очень мучается угрызениями совести от того, что сделал. Он говорил, что когда сорвал с нее рубашку и увидел совершенство ее тела, – Дебора фыркнула, – он почувствовал, что совершает непростительное святотатство. Он плакал и просил ее прощения, чтобы умереть счастливым. Ну, ее милость была очень тронута. Она послала за мистером Буриловым и снова приняла его в своем доме... И мистер Бурилов подозрительно быстро поправился, – резко сказала Дебора, – ее милость купила ему новый гардероб, и скоростной катер, и собаку, и с тех пор они в очень-очень дружеских отношениях.

Дебора смотрела на меня своими невинными безмятежными глазами, лицо ее ничего не выражало.

– Мне кажется, вам не следовало мне об этом рассказывать, Дебора, – неловко сказал я.

– Ну, – сказала Дебора, переходя на свой шотландский акцент, – священнику и врачу можно говорить то, чего не скажешь никому другому. И я много еще что могу рассказать. Например, как леди Брустер-Филлон украла молодого мистера Макдональда у ее милости и два дня и две ночи продержала его без сна, заставляя расчесывать свои волосы. Да, а ведь ее милость поклялась матери молодого мистера Макдональда сохранить его невинность любой ценой. Хотите послушать?

– Нет, – торопливо сказал я. – Нет, нет, Дебора, Мне нужно еще поработать.

– Ну, что ж, как-нибудь в другой раз, – сказала Дебора, вставая и собирая свое вязание. – Крайне интересный эпизод из жизни ее милости и крайне поучительный.

Она повернулась к двери.

– Вы мне нравитесь. И мне нравится рыжий мистер Мактиг, Он умеет предсказывать будущее, и у него есть второе зрение. Но я бы не стала верить, если он заглянет слишком далеко. О, нет! Мисс Пенелопа – она хорошая девочка, но ее ждет горе. Но особенно не стала бы я доверять этому парню Чедвику. На нем следы дьявольской сажи. Да, дьявольская сажа глубоко въелась в него! И в девчонку Сватлов тоже. Пустой сосуд, который готов заполнить дьявол. «Сьюзан Энн» – прекрасное поле, которое готов засеять дьявол, и мне кажется, что мы с вами увидим жатву. Подумайте об этом, доктор Фенимор. У меня тоже есть второе зрение.

И она направилась к двери. Я слегка развеселился, но в глубине души почувствовал легкое беспокойство; однако, из-за чего – понятия не имел.

На следующий день Бенсон получил радиограмму, что нужно подписать важные документы, отправленные в Сантьяго. Перемена курса ничего не значила для Большого Джима, пока он мог держать в руках рулевое колесо, поэтому мы свернули к Кубе. На девятый день после выхода из Майами мы причалили в Сантьяго, покончили со всеми делами и снова двинулись на юг, к Ямайке.

Два дня спустя передали первое штормовое предупреждение. Мы шли при легком попутном ветре и при нынешней скорости должны были через тридцать шесть часов добраться до Кингстона – ближайшего порта, куда мы собирались зайти. Во время обеда Брукс принес это штормовое предупреждение. Сообщалось, что центр урагана движется прямо на нас и что ураган необычайно сильный. Капитан Джонсон предложил убрать паруса, запустить дизели и двигаться к безопасной, закрытой гавани Порт-Антонио, которая гораздо ближе Кингстона. Бенсон после долгих споров неохотно согласился.

Сообщение Брукса неожиданно прервало разговор, который я не скоро позабуду. Кто-то, кажется, Чедвик, спросил, сколько минут в день средний человек, считающий себя живым, на самом деле живет – живет сознательной жизнью, а не просто привычками и инстинктами. Бенсон сказал, что, по его подсчетам, час в сутки – довольно завышенная оценка. Сватлов заметил, что в человеке есть и высшая материя, которая всегда жива, спит ли он или бодрствует. Мактиг спросил, уж не душа ли это, и пастор ответил – да.

Леди Фитц сказала!

– Но, как известно, мистер Мактиг не верит в существование души.

Я никогда не встречал человека, который, подобно леди Фитц, совершенно невинные слова при помощи интонации, ударения и пауз сделать столь ядовитыми. У нее явно был дар – впрочем, конечно, не небесный. В этих нескольких словах она умудрилась не только обвинить Мактига в отсутствии разума, но и намекнуть, что он жалкое, низменное существо, допущенное в человеческое общество по недосмотру, и что она умывает руки. Мактиг все понял, и, очевидно, это на него подействовало.

Он откинулся, сощурился, и спросил:

– Душа! Из чего она сделана? Их заново штампуют для каждого новорожденного? Или берут старые, чистят, латают и снова пускают в дело? Кто за ними присматривает, кто вставляет их в их смертные футляры? Когда мы их получаем? В момент зачатия? Если это так, то это непростительное вторжение в личную жизнь. Или их помещают после того, как зародыш достигает определенной стадии развития? Вы вот, леди Фитц, получили свою душу после того, как утратили жабры или расстались с обезьяньей шерстью? А может, родовые муки – просто следствие беспокойства небесного жильца, который мучается, как женщина, надевающая тесные туфли?

– Очень грубо, Майк, – прошептала Пен.

Леди Фитц, побелев от гнева, сказала:

– Отвратительно!

Мактиг улыбнулся.

– Вовсе нет. Я только задаю вопросы, которые приходят в голову всякому разумному человеку. И жду разъяснений от тех, кто в этом специалист.

Преподобный Сватлов сказал:

– Я вам отвечу. Бог создает душу. Это часть его бессмертной сущности. Он дарует ее нам из своей святой сокровищницы. Душа входит в нас с первым вздохом и уходит с последним.

Мактиг сказал:

– Знаете, пастор, это для меня ново. Это что-то вроде пылесоса. Душа выдувается из небесной детской (вы ее называете сокровищницей). Конечно, это объясняет существование близнецов, тройни, четверни. Они запутались в хранилище и ко времени первого вдоха не успели распутаться. Поэтому появляются все вместе.

– Ну, мистер Мактиг, если вы предпочитаете абсурд...

– Абсурд? – переспросил Мактиг. – Но где здесь абсурд? Это самое разумное объяснение, какое мне приходилось слышать. Оно объясняет существование зла на Земле: убийств, насилий, жестокости, бедности, болезней и всего прочего. Бог слишком занят, подбирая души для новых жителей Земли, и у него просто не хватает времени для всего остального. Решение тут простое: объявить мораторий на рождение, скажем, лет на десять, и Бог получит возможность...

Бенсон раздраженно взревел:

– Майк, прекратите! Вы раздражаете леди Фитц. – Он посмотрел на леди Фитц, которая сидела, заткнув уши, закрыв глаза, и бормотала молитвы или формулы, которые считала молитвами. – Ну, вы своего добились, так что заткнитесь, – мрачно добавил он.

– Я только хотел выяснить...

Бенсон сказал:

– Я поставлю перед вами настоящую задачу. Если мы живем разумной жизнью только один час из двадцати четырех, кто же правит нами в остальные двадцать три? И не говорите мне, будто в это время мы просто механизм из мышц, крови, нервов и костей, который действует совершенно инстинктивно. Я в это не верю. Природа не терпит пустоты, а наши тела – весьма удобное жилище... – Он взглянул на доктора Сватлова. – Ваше преподобие, разве ваш Господь не говорил, что в доме его отца много комнат? Что ж, в этом доме, – он постучал себя по лысой голове, – действительно много комнат. Кто же в них? Некоторые двери закрыты. Другие распахнуты – и иногда из них выглядывают обитатели, и даже чужаки туда могут забрести, когда мы спим. Кто же они? Может, наши предки, изгнанные из своих домов смертью? Почему бы им не поискать убежища в плоти от своей плоти и в кости от своей кости? Разве у них нет права там поселиться? Почему бы им не взять в руки колесо, когда я сплю?

Он помолчал, словно ожидая ответа, но никто не заговорил; за столом воцарилась странная тишина. Бенсон продолжал:

– То, что мертвые могут снова ожить, не более странно чем то, что живые должны умереть. Забыл, кто это написал, но это истинная правда. Неужели то в человеке, что сражается, любит и ненавидит, надеется и отчаивается, мечтает и творит, может быть задумо, как свеча, дуновением смерти? Как будто этого никогда не было? Я в это не верю. Лишение тела – да, но уничтожение – нет. Я считаю: возможность для мертвых существовать менее странна, чем необходимость для живых умереть!

Он ударил кулаком по столу и взглянул на Мактига. Я услышал, как леди Фитц быстро прошептала: «Бог есть любовь. И я часть Господа. Ничто не может повредить мне. Я часть Господа, и я есть я».

Бенсон сказал, на этот раз спокойнее и как будто про себя, а не обращаясь к нам:

– Что же эти бестелесные? Наше пламя жизни манит их. Они вьются вокруг нас, как чайки вокруг маяка. И не только сознания наших предков... другие сознания стремятся к пламени, и не знаю, что их привлекает... они ищут вход, ищут всегда, и когда мы теряем бдительность, находят его... прячутся... и ждут, ждут...

Леди Фитц вскочила быстрее спящей кошки, которой наступили на хвост. Лицо ее было белее мела.

– Алексей! Алексей, немедленно выведи меня на палубу!

Бурилов вскочил, обнял ее и повел к трапу. Вне всякого сомнения, леди Фитц решила, что с нее хватит. Бенсон молча смотрел им в след. Доктор Сватлов откашлялся, будто собираясь заговорить.

Бенсон проворчал:

– Дьявольщина! Я вовсе не хотел пугать ее! Но все же я говорил серьезно...

И тут появился Брукс с сообщением об урагане.

Да, в последующие дни я не раз вспоминал этот разговор, как предсказание... как будто в нем содержалось какое-то объяснение, намек... способный объяснить необъяснимое... а может, эта истина слишком трудна для понимания.

3. Ураган

В середине следующего дня я стоял у левого борта. Метеосводки о продвижении урагана становились все тревожнее, и наши дизели работали на полную мощность. Все паруса на «Сьюзан Энн» были убраны, иллюминаторы проверены и задраены. В воздухе зависла странная дымка, как будто солнце светило из-за светло-желтого стекла. Подошел Хендерсон и остановился рядом. Я спросил:

– Далеко ли до Порт-Антонио, Хендерсон?

– Примерно семьдесят пять миль. Через несколько часов должны увидеть сушу.

Я указал на юг и спросил:

– А это что?

На горизонте из моря поднималось нечто вроде огромной непрозрачной зелено-ватой-черной волны. Она стремительно превращалась в гору, и гора все с той же скоростью разрасталась, пока не заняла десятую часть горизонта. И понеслась вперед, наклоняясь на ходу; края ее стали четче, и я ясно, словно с борта самолета, увидел тростниковые хижины и пальмы на ее склонах. По одну сторону горы шел тропический ливень, там сверкали молнии; по другую сторону ярко сияло солнце.

Хендерсон прошептал:

– Мираж. Это Ямайка – Голубая гора.

Он смотрел напряженно, пригнувшись, руки его, сжимавшие ограждение борта, побелели.

Так же неожиданно, как и появилась, гора исчезла. Желтая пелена пропала, и воздух стал хрустально ясным. И тут повсюду в небе и на море зависли мириады радуг, больших и маленьких, а в глубине моря появились полосы семицветного сияния, словно бы там затонули другие радуги.

Снова свет пожелтел. Потемнело. Я услышал шум с востока и увидел там нечто вроде огромного грязно-желтого занавеса, летящего к нам; пространство, в котором мы плыли, неожиданно сжалось, и горизонт, казалось, надвинулся на нас.

Хендерсон подтолкнул меня к передней надстройке, а сам бросился на корму, где, пригнувшись, как боксер, стоял за рулем Бенсон. Я распахнул дверь, и она с грохотом захлопнулась за мной. Послышался невероятный грохот, словно клипер влетел в пасть ревущего великана. Рев становился все выше, пока не превратился в гудение на пределе слышимости.

«Сьюзан Энн» взмыла вверх, вначале медленно, словно в гигантском лифте, потом все быстрее, и зависла. С ощущением тошноты я ухватился за край койки.

В борт клипера ударило – могучий удар, точно нанесенный кулаком архангела глубин. Клипер наклонился, так что палуба стала левым бортом, а левый борт – потолком.

Корабль выпрямился медленно, но с каждым мгновением двигаясь все быстрее. Пол залила бурлящая вода, снаружи слышалось высокое гудение, словно работала гигантская динамо-машина. Воздух так сгустился, что я с трудом мог дышать. Чьи-то невидимые гигантские руки стискивали грудь, сжимали горло. Неожиданно давление ослабло; корабль затрясся под непрерывными ударами волн, подобных молоту в руке урагана. Между ударами яхта дрожала в такт гудению, которое стало еще выше и продолжалось непрерывно.

Раскрылась дверь камбуза, и оттуда выполз Слим Бэнг. Он что-то крикнул, но я не разобрал слова. Он поманил, и я пополз к нему. И с трудом расслышал: «Хуан... я его нашел в камбузе... Он сильно ранен...» Забравшись вслед за ним на камбуз, я увидел, что он более чем прав. У баска была сломана шея. Первый удар урагана, видимо, ударил его о плиту. Я уже ничем не мог помочь, и попытался пробраться в свою маленькую лабораторию. Там все было разбито и размыто. Я ошупью попытался найти медикаменты.

Показался Мактиг, голый по пояс, лицо и грудь залиты кровью из пореза над левым глазом. Он сказал:

– Быстрее обработайте рану, я должен вернуться к рулю.

Я сделал ему перевязку, как мог. Конечно, следовало бы зашить рану, но об этом не могло быть и речи.

– Каковы наши шансы, Мактиг? Только не подслащивать пиллюлю.

– Невелики. Брукс мертв – фок-мачта сломалась и упала на радиорубку. Почти ничего не осталось ни от рации, ни от Брукса. Питерс, второй помощник, и Даффи, тот парень из Нью-Бедфорда, смыты за борт.

– Хуан мертв, – сказал я.

Он скривился, когда я смазал рану йодом.

– Это был хороший кок. Но, похоже, скоро он снова будет для нас готовить.

Когда я закончил перевязку, Мактиг сказал:

– Соберите всех в столовой и задержите там. Дайте Бурилову успокоительное, у него истерика. За ним присмотрит Коллинз, – стюард. И Пен. Сами будьте в передней надстройке, если вас не позовет Пен. Туда и пойдут члены экипажа, если понадобится ваша помощь.

Ураган трепал нас тридцать восемь часов. Иногда наступали краткие периоды затишья, которые были еще хуже грохота бури: это был покой смерти. Но потом ветры снова обрушивались на эти кусочки тишины, и они исчезали. На краткие мгновения море разглаживалось, как будто тут ступала нога архангела глубин, чей кулак ударил нас... а после оттуда начинали бить гейзеры пенной воды, и их немедленно захлестывали волны.

И все время этот сводящий с ума гул, вой ветра и свистящие удары волн.

Тридцать восемь часов – и ураган кончился так же внезапно, как и начался. Но перед этим нанес нам последний, самый тяжелый удар.

Большинство из нас отупело и впало в летаргию от непрерывного гула, яростного движения и ожидания смерти, но Бенсон ни на мгновение не переставал бороться за жизнь корабля, как, должно быть, много раз делал его предок старый капитан Бенсон.

Я слышал крики с кормы. «Сьюзан Энн» развернулась и качалась в седловине меж волнами.

Неожиданно мне пришло в голову, что ураган мог послужить катализатором, которого опасался Кертсон, и что Бенсон слишком долго носил умственную маску. Испытанное им напряжение могло окончательно высвободить ту личность, которой он так старательно подражал, и которая помогала ему убегать от реальности. Он мог утратить контроль и исчезнуть навсегда. Что, если ураган изменил его? С беспокойством я подумал о такой возможности. И мои опасения лишь усилились от слов Мактига.

Было утро второго дня урагана. Мактиг добрался до передней надстройки, измученный и промокший.

– Я думаю, Джим нас вытащит, – сказал он. – И гадаю – может, для него лучше будет не делать этого.

– Странные вещи вы говорите, Майк.

– Не прикидывайтесь глупцом. Вы не хуже меня понимаете, о чем я говорю. У руля слишком мало Большого Джима и слишком много старого капитана.

Я сказал с уверенностью, которой не испытывал:

– Ерунда. Опасность минует, и Большой Джим снова станет Большим Джимом.

Он покачал головой.

– Может быть... а может, и нет. Пен тоже обеспокоена.

Я сказал:

– Тоже – ерунда. На ней сказывается напряжение. Оно на всех нас сказывается. Как ведет себя Чедвик? Я его не видел.

Мактиг улыбнулся.

– Слишком хорошо. Я его ненавижу, но вынужден признать, что в нем есть кое-что.

И с этими словами он вышел.

Если Пен и беспокоилась за отца, мне она этого не говорила. Она помогала мне – море больше никого не отняло у нас, но почти у всех были ушибы и небольшие раны. Пен была рядом, спокойная, ясноглазая, сочувствующая и бесстрастная. Сватловы, оба, чуть не умерли от страха и были совершенно бесполезны; Бурилов – тоже: он напился до беспамятства, поглощая коньяк бутылками.

Больше всего меня удивило, как реагировала на опасность леди Фитц-Ментон. Она цеплялась за надежду с чувством, которое я могу определить только как страстное самообладание. Временами отступая в убежище своей веры, она вновь появлялась оттуда, как жрица, с формулами молитв и бесконечной верой в божественное вмешательство, которое обязательно спасет ее.

– Буря не может повредить мне, море не может повредить мне, я часть Господа, и ничто не может причинить мне вред, я часть Господа, и поэтому не могу погибнуть.

Снова и снова повторяла она эту и другие фразы, абсолютно убежденно, сжав руки, закрыв глаза. Это было чрезвычайно интересно: любопытный психологический феномен, за которым я внимательно наблюдал, чтобы сделать подробный отчет для Кертсона, если нам удастся спастись. Это походило на формулу покойного доктора Кюза: «С каждым днем я становлюсь все лучше и лучше». Во всяком случае, эта процедура оказалась отличным средством против страха.

А Дебора оставалась невозмутимой: надежная, как скала, перефразируя ее собственное выражение. Спокойная, безмятежная, она заботилась о леди Фитц и Флоре Сватлов. Разумеется, огня в печи не было, так что готовить пищу было невозможно. Но Слим и Дебора умудрились из консервов соорудить нечто съедобное. Во время одного из самых сильных ударов шторма я сказал ей:

– Вы как будто не боитесь утонуть, Дебора. Почему? Или вам помогает ваше второе зрение?

– Знаете, доктор Фенимор, – она перешла на свой шотландский диалект, искоса глядя на меня, – возможно, в этом что-то есть. Есть вещи похуже, чем утонуть в открытом море; но я не думаю, что для корабля это лучше. Утонем ли мы или нет, все это предопределено изначально и мы не можем изменить предначертанного.

– В таком случае, – несколько раздраженно заметил я, – если мы не можем ничего сделать, не лучше ли просто лечь: пусть корабль сам тонет или выплывает?

– Но ведь это тоже предначертано, – оживленно ответила она и пояснила: – Если предначертано, чтобы вы легли и сложили руки, вы ляжете и сложите их. Если предначертано, чтобы вы их использовали, вы не сможете их опустить. Вы ничего не можете сделать, что не было бы предначертано. Ничего.

– У меня больше нет вопросов, – сказал я, рассмеявшись.

– Но я еще кое-что скажу, – произнесла Дебора, когда я собирался выйти. – Скажу вам истинную правду. Это подсказало мне второе зрение. Корабль переживет бурю. Он не потонет, пока...

– Пока что? – подтолкнул я, видя, что она колеблется.

– Пока дьявол не дожидается своего дня, – мрачно сказала Дебора. – Пока не дожидается своей победы. Помните об этом, доктор Фенимор, и пусть это вас утешает.

Она мрачно, так же как и говорила, выпрямилась и вышла своей нелепой походкой. Весьма комичная фигура, но почему-то мне уже не хотелось над ней смеяться.

Вскоре после этого ураган нанес нам последний и самый тяжелый удар. Именно он открыл дверь для того зла, что обрушилось на нас.

На пороге каюты появился мокрый Мактиг.

– Бенсон ранен! – закричал он. – Мы отнесли его в его каюту. Идемте быстрее!

Пока мы пробирались по коридору, он объяснял:

– Нас развернуло волнами. Брус сорвался, протаранил рулевое колесо и ударил Бенсона. Не знаю, насколько серьезно он ранен, но сейчас он без сознания. К счастью, как раз закончили сооружать штормовой якорь. Но если он не удержит – Боже, помоги нам!..

Бенсон лежал на койке, над ним склонилась Пен, у ног его стоял Чедвик. Я невольно бросил взгляд на портрет старого капитана. Лицо человека на постели постарело. Черта за чертой оно стало лицом с портрета. Все мелкие различия исчезли. Тот же тонкогубый не улыбающийся рот, те же глубокие складки от раздувающихся ноздрей к углам рта, те же запавшие глаза, окруженные паутиной крошечных морщин.

Я осмотрел Бенсона. На затылке вздулась большая шишка, но не было никаких следов пролома. Единственная открытая рана – трехдюймовый порез над правой лодыжкой. Сердце бьется ровно, дыхание ровное, глубокое и правильное. Я решил, что в его состоянии больше всего виновато нервное истощение, и удар по голове лишь приблизил обморок, который все равно случился бы. Конечно, было легкое сотрясение, и он некоторое время будет хромать, но ему повезло, и дольше он проспит, тем лучше. Я поделился с Пен этим мнением. Он встала и вышла – наверное, в одиночестве поплакать от облегчения. Я ввел Бенсону успокоительное, перевязал рану и сел рядом.

Два часа спустя мы вышли из урагана так же внезапно, как оказались в нем. Море продолжало штормить, но было уже относительно спокойно, и едва стих высокий гул ветра, словно густое масло разлилось по нашим нервам. Большой парусиновый мешок – плавучий якорь – держал нас, направляя нос корабля против ветра и волн.

Бенсон продолжал спать. Даже в глубоком сне его лицо не смягчалось, оставаясь жестким, напряженным и старым. Очень старым. Лицо с портрета.

4. Гавань Бенсона

Семьдесят часов спустя мы увидели остров; вначале как черточку на краю моря, как полосу слабого свечения на фоне голубого неба у самого горизонта. Когда мы приблизились, мираж приподнял остров, показались белые утесы, песчаные пляжи и гигантские заросли; еще ближе – и остров превратился в голубую полосу в двадцати милях от нас.

Часов двадцать Бенсон крепко проспал. Характерно, что, проснувшись, он прежде всего послал за капитаном Джонсоном и расспросил его о состоянии «Сьюзан Энн». Только после этого послал за мной и стал расспрашивать о своем собственном состоянии. Лицо его приобрело прежнее свое выражение. Большинство признаков возраста исчезло, морщины стали не столь глубоки, глаза меньше западали, И голос стал прежним, звучным, ничего общего со скрипучим, слегка завывающим голосом старого капитана; и из речи исчезли старинные обороты.

Но, осматривая его, я все чаще думал, что с ним произошла какая-то эмоциональная перемена, некое умственное напряжение отражалось на мышечных реакциях. Как будто вся его воля сосредоточилась на том, чтобы оставаться... самим собой. Как уставший пловец, который стремится держать голову над водой, борется с погружением, пытается преодолеть то, что тянет его вниз.

Опухоль на голове заметно спала, но когда я коснулся ее, он сморщился. Бенсон настоял на том, чтобы снять повязку с его ноги, и сам осмотрел рану, а осмотрев, не стал спрашивать, скоро ли она заживет. Опустил ноги на пол, проковылял к шкафу, где держал свою одежду, попросил прислать Мактига и отослал меня.

С тех пор он все время проводил на палубе и в своей каюте. Меня встревожило то, что он явно избегал Пен. Он был с нею мягок, добр, но держался от нее как можно дальше – вернее, не подпускал к себе. Мне казалось, что он ее чуть ли не боится. Если экипаж и заметил это, то приписал беспокойству Бенсона за состояние корабля. Собравшиеся в столовой требовали объяснений по поводу поведения Бенсона и его пустующего места, и Пен старательно пыталась все уладить.

Ураган нанес такой ущерб «Сьюзан Энн», который опечалил бы сердце любого, а уж тем более – Бенсона. Вся ее красота была разбита, она превратилась в потрепанную морскую развалину. Мы выбрались из урагана с обрубком фок-мачты; бизань-мачту так расшатало, что она не выдержала бы и одного паруса, даже если бы сохранился такелаж. Руль был цел, но совершенно бесполезен, поскольку штурвал сломался. Приходилось надеяться лишь на плавучий якорь, чтобы удерживаться против ветра и волн.

Клипер дал сильную течь, и команда постоянно работала у помп. Все шлюпки смыло, кроме капитанской гички и двух небольших лодок, которые каким-то чудом уцелели. Машинное отделение затопило, дизели вышли из строя, и один из них – непоправимо.

Ночью мы попали в течение и двигались со скоростью примерно три узла в час. Ветер стих, море успокоилось. Наблюдения показали, что мы находимся где-то на юго-востоке Багамского архипелага, примерно в ста пятидесяти милях к востоку от островов группы Кокос и к северу от Гаити. На карте поблизости был обозначен небольшой остров с пометкой «сомнительно». Других кораблей мы не встретили, но что рано или поздно нас подберут – казалось несомненным.

Но Бенсон не хотел быть подобранным. Маккензи со своим помощником Барнсом умудрились как-то залатать один из дизелей, хотя работал он очень ненадежно.

Установили самодельное рулевое устройство, на месте фок-мачты, поставили временную мачту. И вот с такой оснасткой Бенсон поклялся, что приведет «Сьюзан Энн» в любой порт. И не желал слушать возражения.

Но при первом же взгляде на остров свирепое упрямство, мрачность и неразговорчивость покинули его. Я находился поблизости и слышал, как Бенсон зовет капитана Джонсона. По трапу с грохотом сбежал Мактиг, широко улыбаясь. Я остановил его.

– Что случилось, Майк?

– Большой Джим пришел в себя, – ответил он. – И клянусь адом, как счастлива от этого Пен! А все этот остров. Он оказался гораздо лучшим врачом, чем вы.

– О чем вы, Майк?

– Остров, мой милый, остров! Старый добрый доктор Остров который вернул Большому Джиму себя. Мы направляемся туда и посмотрим, что он из себя представляет. И если там есть гавань, мы превратим ее в косметический кабинет.

– Но, Майк, как мы туда доберемся?

– При помощи полуразбитого дизеля, дубовых весел и могучих плеч, парень. Толкать и тянуть. Боже, вы только послушайте, как кричит Большой Джим! Я никогда не думал, что способен так радоваться его голосу. Не задерживайте меня, я лечу к Пен передать, что папочка наконец-то хочет ее видеть.

Мы все ближе и ближе подходили к острову, пока не оказались всего в полумиле. И тут течение повернуло и понесло нас вдоль берега. Никакого следа бухты или места, где можно бросить якорь. От узкого белого пляжа поднимались почти отвесные высокие песчаные дюны, отмель тянулась очень далеко. На вершинах дюн со странной упорядоченностью росли кусты и одинокие пальмы. Они больше всего походили на пучки серо-зеленых волос на лбу гиганта, лицо которого скрывалось под водой. Ни одной дюны без кустов и хотя бы единственной пальмы с перистыми листьями над стройным узловатым стволом.

Я снова услышал крик Бенсона. Он куда-то показывал и размахивал биноклем, в который изучал берег. У руля столпилось много народу: леди Фитц с Буриловым, Сватловы, а также Пен. Я присоединился к ним, и Бенсон, к моему удивлению, чрезмерно бурно встретил меня, протянул бинокль и проревел:

– Глядите, костоправ! Гавань Бенсона! Нет, Счастье Бенсона, клянусь Господом! Смотрите – вон туда!

Я поднял бинокль и увидел проход в дюнах, узкий пролив, за которым виднелось большое водное пространство – лагуна. Но сможем ли мы туда попасть? Сверхъестественно, как и раньше, Бенсон прочел мою мысль:

– Конечно, доберемся! Счастье Бенсона, говорю вам!

С левого борта спустили лодку на шесть весел, куда сели самые крепкие моряки; гичка находилась слева, но на долю лодки выпадала самая трудная работа. Ей предстояло удерживать корабль против течения. Тросы натянулись. Дизель протестующе закашлял, но под присмотром Маккензи не заглох. Клипер развернули поперек течения. Мы были у входа в пролив. Фут за футом «Сьюзан Энн» начала вползать в него.

Пролив оказался глубоким, но узким, острые клыки рифов в нескольких футах над поверхностью угрожали с обеих сторон. Природа расположила их с такой же странной регулярностью, как и растительность на дюнах, так что они напоминали широко расставленные зубы, и клипер двигался, словно в пасти какого-то спящего морского чудовища, которое может в любой момент проснуться и раздавить его.

Пляж вдоль моря напоминал рукоять серпа. Изгибающийся берег пролива справа от нас служил обратной стороной лезвия. Между нами и ним теснились коралловые клыки. Левый берег тоже изгибался, но не так грациозно, как правый. Он был пологий, заросший, и маленькие мангровые рощицы приближались к нам, будто грозили остановить наше продвижение.

Солнце уже коснулось горизонта, окунуло расплавленные лучи красного золота в море, как гигантская круглая плавильня, которую неожиданно раскрыли. Когда мы достигли конца

пролива, солнце скрылось за горизонтом. Справа по борту находился заросший высокой травой берег, он резко заворачивал внутрь, образуя мыс, за которым ничего нельзя было разглядеть.

Мы вошли в лагуну. Она оказалась широкой, глубокой и хрустально-чистой – жидкий изумруд в тускнеющем свете. На дне виднелись кораллы, морские веера и анемоны, подобные пульсирующим живым аметистам, к кораллам жались медузы с волнистыми краями, похожие на фантастические цветы, а среди водорослей мелькали яркие тропические рыбки. Отмели у берега были усыпаны множеством серебристых раковин, чистый песок пляжей казался бледно-розовым в сумерках.

С востока лагуну защищал подъем острова. Гавань была великолепная. Мы проплыли несколько сот футов. Заскрипели лебедки, загremели якорные цепи, и мы остановились, оказавшись у длинной отмели. Ее выгнутый конец уходил почти к самому берегу. Вероятно, дальше еще была вода – может быть, вторая лагуна, а может, только небольшой залив. – Но, что бы там ни было, его закрывали высокие дюны.

Обедали молча. Впервые после урагана Бенсон сидел с нами. Но говорил он преимущественно с капитаном Джонсоном и только о клипере. Бурилов впал в меланхолию, и все остальные, казалось, тоже решили побыть наедине со своими мыслями. Всех как будто охватила легкая депрессия, и даже я оказался задетым ею. Дело в том, объяснял я себе, что наступила реакция после напряжения последних нескольких дней.

Я пошел к себе, но заснуть не сумел и спустя некоторое время вновь поднялся на палубу. Стояла темная ночь – луна еще не взошла, и звезды светили тускло. Я стоял, глядя на отмель с ее концом-петлей, когда сзади ко мне подошел Мактиг. Он неподвижно постоял несколько минут, как и я, глядя на конец отмели, затем спросил:

– Нравится, Росс?

– Нет. – Меня самого удивила определенность и резкость моего ответа.

– Почему? Это прекрасное место – и счастье Бенсона, знаете ли.

– Не знаю, почему. А вам нравится, Майк?

Прежде, чем он успел ответить, приглушенный колокол на «Сьюзан Энн» пробил шесть быстрых ударов – одиннадцать часов.

– Почему вам не нравится?..

– Слушайте!

Из тьмы за отмелью донеслись удары корабельного колокола. Они одновременно шли из-за отмели и из бесконечности. Один удар, два, три – и еще три, повторяя корабельный колокол клипера. Послышался высокий резкий свист – похоже на свист кроншнепа высоко в воздухе... или на призрак боцманской дудки.

Я почувствовал странный холодок на затылке. Мактиг далеко перегнулся через поручень, прислушиваясь. Больше ничего не было слышно. Он распрямился.

– Может, поэтому нам здесь и не нравится.

– Там, наверное, корабль, – неуверенно сказал я.

– Несомненно. Но что за корабль? И кто там боцманом?

Он вздрогнул, повел широкими плечами.

– Ну, что ж, завтра узнаем. Спокойной ночи. – И ушел.

Мне почему-то не хотелось оставаться одному на палубе, и я вернулся в свою каюту.

5. Безымянный корабль

Спал я плохо. Ночью проснулся, выскользнул на палубу и снова стал смотреть в сторону отмели. Луна в последней четверти висела низко и была красная. В ее свете неподвижная поверхность лагуны казалась подернутой тонкой пленкой крови. Плеснулась рыба, и по воде начали вяло расходиться круги – словно камень бросили в море крови. Берег казался сплошной черной стеной, увенчанной фантастическими бастионами из пальмовых листьев и древесных ветвей.

Сразу после рассвета я оделся и вышел на палубу. Там был Мактиг. Я сказал:

– Здравствуйте, Майк. Как спали?

– Ужасно. Вы тоже не выглядите, как росистая маргаритка, В чем дело?

– Слишком много колоколов-привидений. Слишком много призрачных боцманских дудок.

Он рассмеялся.

– Те же симптомы. Та же причина. Воображение, скорее всего. Лагуна великолепна, но, может, не так безопасна, как выглядит. Взгляните на берег.

Но я вначале посмотрел на петлю отмели. Она была из белого песка, и нигде не было ни следа растительности. За ней возвышался огромный песчаный утес. Прикинув с палубы примерное расстояние до него, я определил, что высота его не менее семидесяти пяти футов над уровнем воды. Поверхность его казалась только что сформировавшейся, будто ее недавно срезали гигантской лопатой. От нее я перевел взгляд на лагуну. Она была поистине прекрасна, вода ее блистала, как шелк – сапфир, павлинья синева, зелень, ясный и в то же время туманный цвет изумрудов, молочный нефрит. Но утреннее солнце обнажило то, что скрывало вечернее. Мощь урагана тяжело прошла по острову. За изгибами пляжей видны были клубы вырванных пальм, сосен, лиан, в зарослях образовались широкие просеки.

Мактиг сказал:

– Это не просто ветер. Должно быть, большие волны перекатались через дюны и провалились в лагуну. Наверное, они и срезали высокую дюну вон там. Если это так, вряд ли мы найдем большую воду за петлей. – Он помолчал. – Во всяком случае, не для большого корабля.

За завтраком место Пен пустовало. Бенсон сказал, что у нее болит голова. Все были возбуждены, опасности и лишения урагана теперь превратились лишь в необыкновенное приключение. Кто-то спросил Бенсона, долгой ли будет наша стоянка на острове. Тот коротко ответил: столько, сколько потребуется для починки корабля. Потом, словно решив, что сделал какой-то неверный шаг, украдкой оглянулся и добавил почти извиняющимся тоном, что ремонт займет всего несколько дней и никто не испытает особенных неудобств из-за такого отлучения от мира.

Мне это показалось очень странным, и по выражению лица Мактига я понял, что он тоже что-то почувствовал. Я подумал, что Большому Джиму никогда и в голову не пришло бы извиняться за то, что он собирается делать; и я был полностью уверен, что старый капитан первой «Сьюзан Энн» был так же деспотичен. Не слишком ли оптимистичен был Мактиг, заявив, что Большой Джим пришел в себя?

И тут я вдруг вспомнил известный клинический случай, когда вторичная личность, обретя господство, первое время чувствовала себя неуверенно и маскировалась под первую личность. Не будучи знакома с привычками и образом жизни того, кто создал или воссоздал ее, новая личность может решить, что первоначальный высокомерный ответ мог не соответствовать характеру. Именно из-за подобных ошибок вторичная личность в том случае, о котором я вспомнил, и была распознана.

Или две личности слились в одну, новую, которая теперь и не Большой Джим, и не старый капитан? Состоящая, разумеется, из особенностей их обоих, но в сущности – новая, третья личность, чьи реакции совершенно непредсказуемы на основании знания о первых двух. Чужак.

Мысли эти молнией пронесли у меня в голове. Я решил, что это объясняет также, почему Бенсон избегает Пен: страх, который им владел, это страх, что Пен раскроет маскаррад. Кто может сделать это быстрее, чем собственная дочь Бенсона? Я также вспомнил, что почувствовал какую-то фальшь в поведении Бенсона, когда он впервые увидел остров. Его радость казалась неискренней. Не совсем, но же он несколько переигрывал.

Но и первая гипотеза тоже все объясняет: старый капитан снова владеет своим кораблем, в нем он уверен, но совсем не так уверен в том, как будет его новый корабль из плоти отвечать на умственные ветры и приливы...

Я отбросил эти мысли: только будущее способно было решить загадку. Послышался возглас Флоры. Она говорила, что все замечательно, – как будто нас выбросили на остров со всеми современными удобствами. Преподобный доктор Сватлов с насмешливой елейностью заметил, что тут, вероятно, есть язычники, и если он сможет их обратить, то благодаря этому станет епископом. Бурилов решил, что тут недурная рыбалка, а может, и охота, принял позу и запел русскую охотничью песню. Но леди Фитц сидела молча, поглощенная своими мыслями, и никак не реагировала. Неожиданно она нарушила свое молчание:

– Знаете, я слышала странные звуки прошлой ночью. Я уже лежала, собираясь уснуть. У нас пробили шесть склянок, а спустя несколько секунд я услышала снова шесть ударов. Звук как будто шел оттуда... – она указала на крюк отдели, – и на меня он произвел необыкновенное впечатление. Потом послышался свист, какой-то загробный, абсолютно сверхъестественный. Абсолютно. И тут Алексей сказал мне...

Леди Фитц внезапно умолкла. Очевидно, ей в голову пришла та же мысль, что и мне: как Алексей Бурилов мог оказаться с ней рядом, если она собиралась спать. Но потом она безмятежно продолжила:

– Во всяком случае, я испытала самое неопишемое ощущение. Совершенно! А кто-нибудь еще это слышал?

Я уже собирался заговорить, когда уловил взгляд Мактига. Тот покачал головой.

– Я тоже был в каюте и испытывал странное беспокойство, – Бурилов поторопился исправить промах леди Фитц. – Я слышал. А утром мы с леди Фитц-Ментон сравнили свои наблюдения. Я думал о старой Руси, и на сердце у меня была печаль. И тут послышались удары колокола, они отозвались в моем сердце, как голоса покойных возлюбленных... – Он драматично закрыл глаза, голос его задрожал. – Они заставили меня чувствовать... но я знаю, как это сказать по-русски... а по-английски... какое же это слово? – Он воздел руки в картинном жесте отчаяния.

– Вшиво! – сказал Мактиг. – Или лучше – педикулезно.

Бурилов вспыхнул и сердито поглядел на Мактига. Леди Фитц сказала:

– Ну, что за грубости!

– Что ж, леди Фитц, пусть тогда скажет по-русски, – заметил Мактиг. – Я только попытался помочь.

Леди Фитц подняла свои тщательно подведенные брови, посмотрела сквозь лорнет на Мактига, словно на какое-то необычное животное, и удивленно повторила:

– Ну, что за грубости!

Бурилов ледяным тоном сказал:

– Я имел в виду впечатления от звуков в высших сферах – поэтической сфере священных воспоминаний, мистер Мактиг. Поэтому я не могу использовать такие слова. – Он пожал плечами, выражая свое презрение.

– Не понимаю, почему, – невинно сказал Мактиг. – Прекрасные слова. И вы должны бы знать обо вшах, Бурилов. Вы не могли переправиться через русскую границу, не подружившись с ними. А вы, леди Фитц, конечно, знаете жизнь, и вы должны знать о том, что вши существуют. Да что бы мы делали в своих лисьих норах без них? – с энтузиазмом продолжал Мактиг. – Без этого развлечения мы бы умерли со скуки. Мы расстилали наши рубашки на полу и держали пари, чья вошь первой доползет до цели. Вы ведь любите лошадей, Бурилов. Клянусь, состязания вшей вам бы больше понравились. Ну, раз уж педикулез вам не по вкусу, как насчет платяной вши?

Бурилов что-то презрительно сказал по-русски. Мактиг вежливо выслушал и кивнул:

– Совершенно верно! Совершенно с вами согласен. Изучение вшей – увлекательное занятие. Это целый мир. Есть растительные вши и рыбные вши. И у слонов, и у китов есть свои разновидности. Даже у вшей есть свои вши, как писал Поуп о мухах. Я имею в виду не Папу Римского, Бурилов, а Поупа, английского поэта, но этого вы не знаете. Я перефразирую Поупа: у больших вшей есть свои маленькие вши, которые кусают им спину, а у этих маленьких вшей есть еще меньшие, и так до бесконечности. Есть и люди-вши, этикие паразиты...

– Майк, хватит, – послышался от двери голос Пен.

Мактиг послушно сказал:

– Хорошо. Я только старался побольше рассказать.

Лицо Бурилова исказила ярость, губы его побелели, он стал похож на большого кота, изготовившегося к прыжку. Леди Фитц коснулась его руки и что-то прошептала по-русски. Он расслабился, лениво улыбнулся Мактигу и промурлыкал:

– Очень поучительно. Я многое узнал. И не забуду.

Мактиг зевнул.

– Как только начнете забывать, сообщите мне.

Пен медленно подошла к столу и села. Чедвик спросил:

– Как голова, Пен?

– Гораздо лучше. Спасибо, Чед.

Леди Фитц сказала:

– Дорогая, я так рада. Вы не возражаете, если мы с Алексеем поднимемся на палубу? Мне нужен чистый воздух нашего небесного отца.

И она взглянула на Мактига. Пен с отсутствующим видом ответила:

– Конечно, леди Фитц.

Бенсон поднял голову, встряхнулся, словно после сна, и я поняла, что он не обращал ни малейшего внимания на Мактига и всех остальных, наверное, даже не слышал их.

– Леди Фитц, Джонсон собирается взять гичку и поискать на берегу место для высадки, – сказал он. – Может, вы с Буриловым хотите присоединиться к нему? Преподобный, как насчет вас и Флоры? Пен поедет...

– Пен не поедет, – заявила Пенелопа, отхлебывая кофе и опустив глаза. – Она не хочет.

– А вы сами, мистер Бенсон? – спросила леди Фитц.

Я был слегка удивлен, когда Бенсон ответил, что у него дела с Чедвиком и Мактигом. В таком случае, сказала леди Фитц, прерывая его, она будет рада поехать; доктор Сватлов, кажется, тоже. Флоре, похоже, это понравилось меньше. Бенсон встал и сказал, что проследит за их благополучным отплытием. Пен ждала, пока они все не отошли, потом посмотрела на Мактига.

– Майк, что это вы так набросились на Бурилова?

– Набросился на Бурилова? Вовсе нет, я всего лишь говорил о вшах. Если он принял это на свой счет, не моя в том вина.

– Бросьте, Майк. Зачем вы это сделали?

– Ну, что ж, – сказал Мактиг, – назовем это экспериментом.

– С какой целью? – неумолимо продолжала Пен.

– Испытание колючек, – рассмеялся Чедвик. – Прекрасная работа, Майк. Но у вас теперь еще один враг.

– Еще? – протянул Мактиг. Смуглая кожа Чедвика медленно покраснела. Я ощутил неожиданное напряжение. Нарушила его Пен. Она с грохотом бросила чашку и блюдо на пол. Вскочила на ноги. Вся голубизна ее глаз исчезла, зрачки расширились.

– Черт бы побрал это место и этот корабль! Я их ненавижу. И скоро буду ненавидеть всех, как вы ненавидите друг друга. Это относится и к вам, Майк!

Она повернулась и вышла. Мактиг без всякого выражения посмотрел ей вслед. Потом, не обращая внимания на Чедвика, сказал мне:

– Идемте наверх, Росс.

Мы поднялись на палубу. Я спросил:

– Что с вами, Майк? Без всякого повода вы так настроили против себя Бурилова, что он готов натереть зубы ядом и укусить вас. Вы взъерошили перья леди Фитц и на дюйм всадили иголку в Чедвика. Зачем?

К моему удивлению, он ответил:

– Меня не интересовали Бурилов и леди Фитц. Мне все равно, что будет с ними! Я целился в Большого Джима. Пен поняла это и потому вела себя так агрессивно.

– Мне кажется, он не слышал ни слова...

– Вот это-то меня и беспокоит, – сказал Мактиг. Он взглянул на петлю отдели. – Хотелось бы мне поглядеть, что там. Не желаете взять лодку и взглянуть?

– Я с вами, – услышал я голос Пен. Она незаметно подошла к нам, и я увидел, что она овладела собой. Она улыбнулась Мактигу и протянула руку. – Простите, Майк. Я была немного расстроена. Прошлой ночью почти не спала.

– Не нужно извиняться, – ответил Мактиг. При этих его словах к нам подошел Большой Джим. – Это я виноват. – Потом, увидев Бенсона: – Мои сигнальные провода сегодня, по-видимому, перепутались, сэр. Разрешите взять шлюпку. Небольшое физическое усилие поможет их распутать. Мы с доком хотим взглянуть, что находится за крюком.

Бенсон прорычал:

– Хорошая мысль. Я и сам хотел бы взглянуть, что там. Пойдем все. Может, это излечит мигрень у Пен.

Мактиг спросил:

– А остальные не подумают, что мы отправили их с корабля, чтобы провести собственную экскурсию?

– К дьяволу их! – взревел Большой Джим. – На своем корабле я делаю, что хочу. Идемте, Чед.

Тот ответил:

– Я предпочел бы идти один. Во всяком случае, без Пен.

Мактиг, нахмурившись, смотрел на них.

У берега было совсем мелко. Шлюпка скребнула по дну. Футах в десяти от берега мы с Мактигом прыгнули в воду и протащили шлюпку еще на несколько футов. Я с интересом отметил, что Чедвик не сделал ничего, чтобы помочь нам. Мактиг вытянул руки, поднял Пен, как ребенка, и перенес на берег. Вернулся и склонился у лодки, подставляя широкие плечи Бенсону. Тот со смехом взгромоздился, и Мактиг пронес его двести двадцать фунтов, словно их было только двадцать.

Бенсон слез с Мактига. Избавившись от груза, шлюпка поднялась на воде и начала отплывать. Чедвик закричал:

– Эй, Майк! Вытащите меня!

Мактиг приставил палец к носу и ответил:

– Идите вброд, неженка.

Большой Джим проревел:

– Вброд, черт возьми! И прихватите с собой шлюпку на берег.

Мактиг, обняв Пен за талию, начал восхождение на крутой берег. Я шел следом. Бенсон без труда поднимался за мной. Добравшись до середины, я оглянулся. Чедвик брел к берегу, вода была ему по щиколотку, шлюпку он тащил за собой. Слышна была его брань. Бенсон тоже слышал это, и его большое тело сотрясал смех, так что трудно было подниматься по неустойчивой дюне.

Повернувшись, я увидел, что Мактиг и Пен добрались до верха. Он стоял неподвижно, глядя на что-то, чего я еще не мог видеть. Была в его позе какая-то странная оцепенелость, настороженность, как у пса, увидевшего птицу. Пен была так же неподвижна. Я поднялся к ним и посмотрел в ту сторону.

За дюной открывался бассейн округлой формы, около двухсот футов в диаметре. Был он мелкий, всего в несколько футов, и я подумал, что раньше тут могло быть гораздо глубже, но волны, перехлестывая через дюны, засыпали бассейн песком. Из дюны торчало что-то темное... корма корабля... черная... разбитый руль касался края бассейна.

Корабль стоял ровно, был чисто отмыт песком и видал вплоть до обрубка кормовой мачты. Он выделялся на фоне песка, как силуэт на белой бумаге. Если не считать расколотого руля, он казался невредимым. Я видел нактоуз компаса и черное рулевое колесо, которое, казалось, вобрало в себя всю черноту палубы... и стояло обособленно, величественно.

Нос корабля был погружен в дюну и погребен под тоннами песка.

Было что-то зловещее в этой черной палубе, торчащей из дюны. Что-то отчаянное в том, как цеплялась дюна за корабль... как будто мешала выйти наружу тому, что не должно выходить... как будто хотела вернуть то, что обнажилось.

А кормовая палуба, казалось, отчаянно пытается вытянуть застрявшую часть. Я хочу сказать, что корма не просто торчала из песка. В ней не было ничего статичного. Дюна и корабль как бы двигались: дюна держала, корма старалась вырваться и освободить весь корабль. Неожиданно мне показалось, что колесо повернулось, словно бы тронутое невидимыми руками. Мне пришло в голову, что центр борьбы корабля с песком – в черном колесе... На мгновение я почувствовал уверенность в этом, точное знание... и тут предчувствие, иллюзия исчезли. Из песка торчала только корма погребенного корабля, и больше ничего.

Но видели ли Мактиг и Пен то же, что и я? Никто из них шевельнулся, не заговорил, все были поглощены открывшимся зрелищем.

Тяжело дыша, к нам поднялся Бенсон, за ним Чедвик. Бенсон взглянул и сказал, словно не веря своим глазам:

– Корабль! Старый корабль! Клянусь Богом, вы только взгляните. – Он словно вчера плавал! А что в нем?

Он скользнул по песку к узкому пляжу и побежал к остовам. Мактиг неожиданно ожил, соскочил с дюны и устремился за ним. Когда он догнал Бенсона, я видел, как Большой Джим поднял руку, останавливая его, но Мактиг отвел его руку и обогнал. Чедвик помог Пен встать. Она взглянула на меня, и я увидел в ее глазах неясный страх. Она сказала: «Идемте», – и мы втроем пошли за Мактигом и Бенсоном и вскоре догнали последнего. Он тяжело отдувался и был сердит.

– Черт бы побрал этого выскочку! – выдохнул он. – Обогнал меня. Мое право – первым взойти на борт! Быстрее!

Но когда мы добрались до остова, Мактиг ждал нас; он не делал попыток подняться на борт. С удивленным выражением он рассматривал корму.

– Никакого названия, – сказал он. – Странно. Корабль, старый... но брусья совсем целые... вполне выдержат новое плавание... если корабль сможет освободиться, – со странным выражением добавил он.

Я вздрогнул: Мактиг вторил моим фантастическим мыслям.

– Освободиться! – фыркнул Бенсон. – Я его откопаю! Дьявол, Майк, корабль не тронут. Я узнаю, что внутри.

Чедвик сказал:

– Мне он не кажется нетронутым. У корабля большой опыт. Видите закрытые порты? Готов биться об заклад, за ними ржавеют пушки. А посмотрите туда, где песок держит корабль. Если это не проделано двадцатифунтовым ядром, я готов один грести на обратном пути!

Мы взглянули, куда он показывал. Поручень был разбит, и в корпусе зияла круглая дыра трех футов в поперечнике.

Пен, тяжело дыша, сказала:

– Пираты ведь часто плавали на кораблях без названий. Я, кажется, где-то читала об этом. Может быть, это пиратский корабль. Может, поэтому я чувствую... – Она помолчала. – Это злой корабль, – сказала она наконец. – Мне он не нравится.

– Пират! – взревел Большой Джим и сделал неуклюжее танцевальное па. – И, может, на нем все еще пиратская добыча! А мы здесь болтаем! Я поднимусь. Как же подняться? – Он прошел вдоль корпуса, потом вернулся и зашел с правого борта.

Мактиг сказал:

– Песок поднимается уступами почти до палубы, там, где корабль засыпан. Подняться там трудно, но можно.

Он взглянул на крутую стену песка у левого борта, покачал головой, сказал: «Минутку» – и ушел за корму. Бенсон направился за ним.

– Эй, обезьяна, без шуток! Я первым поднимусь на борт. Ясно?

В глазах Бенсона горело коварство, и я подумал, что вся его алчность проснулась при словах Пен о пиратах. Мактиг пожал широкими плечами:

– Ну, что ж, поднимем флаг Бенсона над неоткрытой палубой.

Бенсон прорычал:

– Корабль мой! Что бы там ни было, вы получите только то, что я сам отдам!

Они скрылись за бортом, голоса их стихли, но тон Бенсона был такой свирепый, какого я раньше никогда не слышал. Когда они вернулись, лицо Бенсона было мрачным и настороженным, челюсти сжаты, глаза пылали. Мактиг равнодушно сказал:

– Если и есть шанс подняться сбоку, то именно сейчас. Я имею в виду, что дюна непрочная и в любой момент может обрушиться. Вот вам штормовое предупреждение, – и действуйте, как хотите.

Бенсон сердито взглянул на него и начал карабкаться. Но не сделал он и двух шагов, как песок заскользил у него под ногами. Вниз с шорохом устремилась волна песка и погребла его. Мы с трудом откопали Большого Джима, почти задохнувшегося. А Мактиг негромко сказал:

– В шлюпке есть веревочная лестница. Бенсон злобно взвизгнул:

– Так тащите ее! Чего же вы ждете? Бережете для себя?

Лицо Мактига потемнело, глаза стали мрачными.

– Я не мог знать, что корабль здесь... – начал он, но Большой Джим оборвал его. Раздражение и досада из-за собственного корабля, нетерпение, злость из-за неудачной попытки подняться на борт найденного совсем вывели его из себя.

– К дьяволу ваши объяснения! – взревел он. – Тащите лестницу!

Ни слова не сказав, Мактиг направился к шлюпке. Пока он отсутствовал, Бенсон бранился и кричал, а я ждал в неловком молчании. Большие глаза Пен были полны слез, но Чедвик наблюдал с тенью циничной улыбки на лице, как будто наслаждался буйством шефа. Вернулся Мактиг с лестницей, швырнул ее под ноги Бенсону и отошел. Лицо его не смягчилось, на Пен он не смотрел.

Бенсон прикрикнул:

– Закрепите ее! Ведь вы ее для этого принесли?

Мактиг поднял лестницу и стал раз за разом забрасывать ее на борт. Крючья на ней были небольшие и не зацеплялись. Попробовал забросить Чедвик, потом я, но безуспешно. Наконец Бенсон сам схватил ее, но лестница все равно не держалась.

Мактиг выругался, взял лестницу из рук Бенсона, повернулся к нам троим и холодно сказал:

– Я поднимусь и закреплю лестницу. Вы поняли меня, Чедвик? И вы, доктор Фенимор? Я поднимусь на борт исключительно как представитель мистера Бенсона... какие бы претензии ни возникли в связи с моим подъемом, я от них отказываюсь. Корабль и все в нем находящееся принадлежит мистеру Бенсону... или он принадлежит кораблю – все так же странно закончил он.

Не добавив ни слова, он перебросил лестницу через плечо, подошел к корме и начал подниматься, используя в качестве опор выступы и разбитый рулевой брус.

У борта он задержался, очевидно, осматривая палубу. На мгновение его шевелюра вспыхнула, будто какой-то яркий луч упал на нее и тут же исчез. Это зрелище почему-то меня очень встревожило.

Прошла минута, еще несколько, но Мактиг не возвращался. Бенсон нервничал, его раздражение росло.

– Мактиг! – вскричал он. – Что вы там делаете? Спускайте же лестницу!

Показалась голова Мактига. Лицо его было бледным, глаза остекленели, как у человека, только что проснувшегося и еще не пришедшего в себя. Он смотрел на нас, словно слышал, но не видел нас. Потом отвел взгляд и посмотрел на берег.

Бенсон снова с яростью закричал:

– Лестницу, черт возьми! Лестницу!

Мактиг заметно вздрогнул, внезапно вдруг увидев нас. Развернул веревку, закрепил крючья и сбросил лестницу. Она повисла в футе от песка. Бенсон подскочил к ней. Мактиг держал сверху, Чедвик – снизу, и Бенсон поднялся с поразительным проворством. За ним вскарабкалась Пен. Следом – Чедвик, потом я; подниматься было трудно – никто уже не держал лестницу внизу. Мактиг протянул руку и втащил меня на палубу. Он снова казался нормальным, глаза его утратили странное рассеянное выражение, хотя в них по-прежнему блестела настороженность.

– Взгляните на это, – сказал он и прошел к обломку мачты. К нему был прикован корабельный колокол. Годы покрыли металл зеленоватой патиной, но в остальном он не пострадал. Я почувствовал странное облегчение, словно какая-то ноша, о которой я и не подозревал, свалилась с моих плеч. Я воскликнул:

– Вот этот колокол мы и слышали, Майк! Должно быть его раскачал ветер.

Мактиг сухо ответил:

– Ученый ветер, должно быть! Точно отсчитал удары. Но взгляните внимательней.

Я посмотрел. Языка у колокола не было. Болты, которыми он крепился, были на месте, но сам язык – нет. Я постучал по краю. Мне ответил гневный звон.

Мактиг схватил меня за руку и резко сказал:

– Не делайте этого!

Ладонь его была холодной, влажной от пота.

И вдруг я понял, что Мактиг боится и изо всех сил старается скрыть это.

Бенсон взревел:

– Эй, Майк, идите сюда!

Он стоял у черного рулевого колеса. Очевидно, его дурное настроение развеялось, он смеялся вместе с Чедвиком и жестикулировал. Но Пен не смеялась. Она отодвинулась от колеса и стояла у подножья короткого трапа, ведущего с кормовой на главную палубу. Мне показалось, что она напряженно и очень уж внимательно смотрит на подходящего Мактига.

Я заметил, что палуба под ее ногами была на пять-шесть футов выше той, на которой были мы с Мактигом, и что рядом находится дверь, очевидно, ведущая в проход или каюту под кормовой палубой. В порог и косяки двери были вбиты десять тяжелых металлических гвоздей на расстоянии в полфута друг от друга. Они торчали наружу наподобие *cheveaux de trise*². Шипы торчали и поперек двери с разных сторон. Ясно, что дверь открывалась наружу, как и должно быть на корабле; причины этого поймет всякий моряк. Тот, кто забил шипы, намерен был прочно запечатать эту дверь.

Запереть то, что было внутри.

Я собирался заговорить об этом с Мактигом и не смог. Он с тем же странным вниманием смотрел на Пен и шел медленно и неохотно, словно против воли.

Когда я начал подниматься по трапу, мне пришло в голову, что палуба поразительно чиста. Доски как будто только что промыты и надраены. У закрытой двери виднелись небольшие кучки песка, но и все.

Остальные толпились у рулевого колеса, и я слышал, как Бенсон возбужденно говорил:

– Оно прекрасно, Майк! В отличном состоянии! Его легко перенести и укрепить на «Сьюзан Энн». Клянусь Богом, я вырвал бы даже старый руль, если бы он не был разбит!

Я подошел к колесу и взглянул на него. Прекрасная вещь, из какой-то твердой, гладкой древесины поразительно черного цвета. Как будто вырезано из полированного гагата, а не из дерева. И состояние прекрасное, ни царапинки, ни вмятины. Но самое удивительное – окружность рулевого колеса. Шести дюймов шириной, этот деревянный обод полого изгибался, в него были вделаны спицы. А по кругу в ряд вырезаны изображения рук, тыльные стороны ладоней, пальцы согнуты, будто сжимают что-то. Я пересчитал их – восемнадцать. Вглядевшись внимательнее, я понял, что их – девять пар и что ни одна из них не похожа на другую. Ясно также, что выполнил эту работу замечательный художник и работал он с живой натуры – в каждой паре рук была отчетливая индивидуальность. Каждая пара сцеплялась у запястья, под и над ней проходили другие руки, так что все восемнадцать рук сливались в единый неразделимый узор. Одна пара была женская, пальцы длинные и тонкие, концы их заостренные, но сильные и со странным впечатлением жестокости. Еще одна пара, нарушая общий рисунок, располагалась под другим углом... и хватка этих кистей была сильнее, крепче... Форма и симметрия этих рук говорили о воспитании... руки патриция...

Эти подробности громоздились друг на друга, только что незаметные, а в следующий момент – абсолютно ясные, как будто колесо само открывало их... и тут мне показалось, что полоска, на которой вырезаны руки, становится прозрачной, и что руки не вырезаны, а находятся в ней... и что каждая из них держит спицу черного колеса... и что руки эти живы...

² Доска или бочка, покрытые острыми металлическими шипами, торчащими в разные стороны. В средние века использовались в качестве защиты от нападения кавалерии. – *Примечание переводчика*

6. Черное колесо поворачивается

С неожиданным отвращением я отвел взгляд, охваченный тревогой. Бенсон опустился перед колесом на колени, осматривая его крепления и что-то бормоча. Чедвик глядел на него с циничной радостью. А Пен смотрела на руки, восхищенно, как смотрел и я, и в ее голубых глазах усиливалось выражение ужаса. Мактиг, стоя рядом, внимательно наблюдал за ней, серьезно, мрачно и напряженно, как будто ждал сигнала, чтобы прыгнуть и оттолкнуть ее в сторону.

Неожиданно черное колесо шевельнулось. Оно повернулось, и спицы его нацелились на Мактига. Это было целенаправленное, сознательное движение, колесо словно повернули невидимые руки. Я услышал крик Пен...

И увидел, что против Мактига застыли те спицы, которые сжимают руки патриция, господствующие над остальными. Они как будто предлагали себя Мактигу.

Бенсон поднял голову, свирепо сказал:

– Кто повернул колесо? Почему ты закричала, Пен?

Пен не ответила. Руки ее были прижаты к груди; глаза, потемневшие от страха, смотрели на Мактига.

Бенсон встал. Схватил колесо за рукояти и, напрягая силы, попытался повернуть. Колесо не шевельнулось. Он отпустил рукояти и сделал угрожающий шаг в сторону Мактига. Зубы его были оскалены, тяжелые веки полуприкрыли налившиеся кровью глаза.

– Какого дьявола вы сделали с колесом? – рявкнул он. Потом посмотрел на Пен: – Ты поблбднела. Что он тебе сделал?

Пен подошла к нему, положила свои маленькие руки ему на плечи и сказала дрожащим голосом:

– Отец, здесь что-то... очень плохое. Я чувствую это! Ты сам не свой с тех пор, как увидел корабль! Оставь его, пусть песок снова его засыплет...

Он оттолкнул ее, повернулся к Мактигу, лицо его налилось кровью.

– Вот оно что! Действуете через мою дочь, Мактиг? Что за игру вы ведете? – Он сделал шаг, сжав кулаки. – Вначале приходите с кислой миной и предупреждаете, что нужно поскорее уходить. Потом пытаетесь украдкой проникнуть сюда вместе с Фенимором... и с веревочной лестницей в шлюпке. Что вы еще прихватили с собой, Мактиг? И вы умудрились подняться сюда первым. Что вы замышляете?

Ярость его росла, он снова схватился за колесо, попытался повернуть и снова не смог. И крикнул Мактигу:

– Вы его повернули, а я не могу! А теперь вы действуете через Пен, чтобы убрать меня! Чего вы хотите, Мактиг? И что вы делали прошлой ночью? Давайте говорите, вы, подлый...

Пен отчаянно крикнула:

– О, папа, нет! Майк, он не хотел этого сказать!

Мактиг, не обращая на нее внимания, презрительно бросил Бенсону:

– Вы спятили.

Бенсон задрожал, лицо его почернело:

– Я спятил? Таков ваш ответ? Хорошо, держите колесо! Если сможете, поверните его, и я вам поверю.

Мактиг поднял руки, словно собираясь взяться за ручки; взгляд его опустился на сплетенные кисти, и в глазах появилось странное, неуверенное выражение. Он отступил на шаг и мрачно сказал:

– Нет!

– Я прижал его! – Бенсон торжествующе взглянул на Чедвика и рассмеялся. – Прижал! Он блефовал!

Чедвик наслаждался этой сценой. В этом не было сомнения. Он не ответил Бенсону, но продолжал смотреть на них обоих с легкой насмешкой в черных глазах. Мактиг сильно побледнел, и хотя говорил спокойно, видно было, что это дается ему с трудом:

– Послушайте, сэр. Я никогда не слыхал и понятия не имел об этом месте до вчерашнего дня. И о корабле я ничего не знал. Что касается прошлой ночи, то даю вам слово чести, сэр, я не покидал клипер. Еще не видя корабля, я лишь сказал вам, что остров мне не нравится. С тех пор мое отвращение к нему усилилось, и... для этого появились основания. Но у меня по-прежнему нет доказательств... таких, которые удовлетворили бы вас. Так что запишите их на счет моего суеверия. Я не обсуждал с Пен эти свои... суеверия, даже не упоминал о них. Это и есть объяснение, которое я намерен дать. А если вам оно не нравится, – с неожиданной холодной яростью добавил он, – можете отправляться в ад и остаться там!

Чедвик спокойно вмешался:

– Есть и другое объяснение, сэр. Дебора уверена, что Майк иногда обладает способностями предсказателя, что у него дар видеть то, чего не видят другие. Второе зрение, так сказать. Возможно, именно оно здесь действует.

Бенсон недоверчиво взглянул на него. Чедвик с тем же выражением затаенной злобы продолжал:

– Вы сами не раз доверяли интуиции Майка, когда у него, как и сейчас, не было никаких доказательств. Можно сказать, что винить вам следует только себя.

И он бросил на Мактига насмешливый взгляд. Мактиг слушал с равнодушным видом, но губы его были плотно сжаты. Бенсон выругался. Чедвик продолжал:

– Но если и это объяснение вас не удовлетворяет, возможно, есть и другое. Майк всегда говорит правду – какой она ему видится, разумеется. Вы знаете, как он чувствителен к обстановке. Допустим, вчера вечером он лег спать, встревоженный своими мыслями. Допустим, во сне он отплыл на остров, – не знаю, правда, как он бы смог незаметно взять шлюпку, если только... но нет, это немыслимо. Майк этого не сделает. (Я имею в виду, что он мог подкупить вахтенного.) Нет, он во сне вплавь добрался до корабля и научился управлять колесом...

Левая рука Мактига метнулась вперед и ухватила за черный штурвал. Лицо его посуровело, и вдруг он произнес со странным акцентом и какой-то смертельной холодностью:

– Довольно, Педро! Мое терпение лопнуло! Придержи свой змеиный язык и свои грязные мысли!

Левой рукой сжимая колесо, он коротко ударил Чедвика в лицо. Удар был так силен, что Чедвика отбросило, как куклу. Ударившись о фальшборт, тот с трудом приподнялся и ошеломленно уставился на Мактига.

На палубе воцарилась тишина, и я почувствовал, как натягиваются невидимые нити, словно паутина после столкновения с большой мухой. Казалось, множество невидимых глаз смотрят на Мактига, толкают его, заставляют что-то делать, но что – я никак не мог понять.

Странная сцена длилась лишь мгновение, затем Мактиг отпусти колесо.

Он стоял, изумленно глядя на Чедвика, как будто не узнавая его, и вдруг, осознав, что натворил, жалобно взглянул на Пен, подскочил к Чедвику, все еще стоявшему на коленях, и помог ему подняться.

В следующий миг рядом с ними оказались Бенсон, Пен и я. Чедвик вырвался, сделал шаг назад. Лицо его исказила ярость. Бенсон встал между ними, как будто этот стремительный удар вернул его к норме.

Он покачал массивной седой головой, как бы избавляясь от умственной паутины, и сказал:

– Зря вы так, Майк!

Мактиг медленно, с явным замешательством и отчаянием в голосе ответил:

– Я знаю, сэр. Но не знаю, что на меня нашло. Не отойдете ли сэр? – Бенсон послушался, и Мактиг направился к Чедвику. – Чед, простите. Вы рассердили меня своими словами... но это не причина, чтобы бить вас, тем более без всякого предупреждения. Вот... – он склонил рыжую голову, – ударьте меня в ответ. Как хотите сильно.

Чедвик поднес ладонь к покрасневшей щеке и медленно ответил:

– Нет. Я не отдаю долги таким манером.

– Ну, послушайте, – вмешался Бенсон, обращаясь к Чедвику, – Майк извинился. Черт возьми, мне кажется, я сам слишком прижал его, и если он сорвался, винить нужно меня. Дьявол! Я бы не стал его винить, если бы он вместо вас ударил меня! Пожмите руки друг другу, и забудем об этом.

Пен сказала: «Чед, пожалуйста!» – и протянула к нему руки.

Чедвик некоторое время задумчиво смотрел на Бенсона, отвернулся, а когда снова повернулся к нам, гневное и мстительное выражение исчезло с его лица, уступив место знакомой полунасмешливой улыбке. Он протянул Мактигу руку.

– Ну, ладно, Майк. Босс признает, что был неправ, так что давайте извинимся друг перед другом и забудем об этом.

Бенсон обрадовано кивнул.

– Отлично! – Он усмехнулся. – И черт меня побери, если я не поверил слову Майка.

Пен ахнула:

– Значит, ты не возьмешь колесо?

Бенсон рассмеялся.

– Ну, дочка, так далеко я не зайду. Но оставить просто так эту закрытую каюту...

Он не закончил, но я знал, что Бенсон вернется. И если он рассчитывал, что Пен обрадуется нашему возвращению на «Сьюзан Энн», то просчитался: она даже не улыбнулась.

7. Разговор в каюте

Обед прошел в странной атмосфере иллюзорности. Меня раздражало ощущение что безымянная черная посуда более реальна, нежели «Сьюзан Энн»; она – материя, а наш корабль – тень. Ни одно ощущение, даже самое иррациональное, не возникает беспричинно. В конце концов я приписал его суеверным предсказаниям Мактига, а также неприятному чувству, испытанному у черного колеса. Все это, несомненно, было усилено напряжением последних дней и ночей. Однако, хоть я теперь и объяснил его происхождение, кошмарное ощущение продолжало давить на меня.

Из нас пятерых, побывавших на борту корабля, только Пен и Чедвик как будто остались прежними. Но мне казалось, что Пен лишь делает вид; может быть, и Чедвик тоже. Бенсон был мрачен и погружен в свои мысли, время от времени его холодный взгляд задумчиво останавливался на Мактиге. Веселый щебет леди Фитц не волновал его совершенно.

Леди Фитц и Бурилов были возбуждены своей экскурсией; Бурилов говорил много и театрално, и будь Мактиг в обычном своем состоянии, он наверняка бы вышел из себя; но теперь он ел с отсутствующим видом и отвечал, только когда обращались непосредственно к нему. А часто не отвечал вообще. Флора Сватлов тоже была возбуждена. Они запланировали исследовательскую экспедицию на завтра.

– На острове отличная охота, – вставил Бурилов. – Пен, Чедвик и Мактиг тоже пойдут, конечно.

Но оживление Флоры испарилось, когда Бенсон резко прервал ее, сказав, что Пен может поступать, как хочет, но Мактиг и Чедвик ему нужны. Капитан Джонсон может выделить им двух матросов для физической работы и на случай неожиданностей. Джонсон быстро взглянул на него, потом кивнул. Флора надулась и сказала, что в таком случае лучше вообще отложить выезд. Бурилов тоже надулся и заявил, что он все равно пойдет, даже если придется идти одному. Преподобный Сватлов смотрел на Бенсона, ожидая указаний. Бенсон же властно сказал, что все будет идти, как запланировано: пока идет починка клипера, гостям лучше не находиться на нем. И лучше будет, если Пен отправится со всеми. В заключение Бенсон сказал:

– Предлагаю вам отплыть сразу после завтрака, как можно скорее. Капитан Джонсон, будьте добры сделать все необходимые приготовления.

Он резко встал, взглянул на Мактига.

– Мактиг, после обеда зайдите ко мне в каюту.

И вышел. Пен, сердитая и недоумевающая, встала, собираясь идти за ним, но уловила взгляд Мактига и снова села.

Вскоре обед кончился, чему я был очень рад и вместе с остальными поднялся на палубу. Ночь была безлунная, звезды почти скрыли тонкие облака. К моему удивлению, неожиданно ярко вспыхнули все палубные огни. Широкий круг света упал на лагуну. Казалось «Сьюзан Энн» плывет в центре гигантского шара бледного изумруд. За его пределами ничего не было видно, кроме туманных черных стен сомкнувшихся вокруг. Мактиг и Пен прошли к каюте Бенсона, остальные столпились у планшира, глядя на рыб, которые, привлеченные светом, плавали, как в огромном аквариуме.

Прошло с четверть часа, но Пен не появлялась. Я подумал, не пошла ли она вместе с Мактигом к отцу. Немного погодя Светловы леди Фитц и Бурилов разошлись по своим каютам, сославшись на сонливость. Чедвик задержался рядом со мной, у борта. Казалось, он беспокоился. Я подумал, что он хочет что-то мне сказать, потом понял, что все его внимание сосредоточено на каюте Бенсона, и он тоже считает, что Пен там. Он ждал ее. Я сказал, что собираюсь в лабораторию, и спросил, не хочет ли он пойти со мной. Он не ответил. Сомне-

ваюсь, что он меня слышал. Когда я уходил, он стоял на прежнем месте, глядя в сторону каюты Бенсона.

Перед тем, как идти в лабораторию, я заглянул к себе в каюту.

Пен была там.

– Я думала, вы никогда не придете, – еле слышно сказала она, – Закройте дверь и говорите шепотом.

– Где Чед? – спросила она, когда я выполнил ее просьбу. Я рассказал, где оставил его, добавив, что он, похоже, ждет ее. Она выслушала сказанное с легкой злорадной улыбкой.

Я ждал. Разумеется, она спряталась здесь не ради того, чтобы узнать, где находится Чедвик. Что же ей нужно? Но вопрос, который она задала, я меньше всего ожидал услышать:

– Мой отец – безумен?

Я смотрел на нее, не зная, что сказать.

– Будьте откровенны и резки, сколь сочтете нужным, но только говорите правду. Я не изнеженный цветок.

– Вы знаете своего отца гораздо лучше меня, мисс Бенсон... – беспомощно начал я, но она гневно прервала:

– Пожалуйста, ответьте: считаете ли вы моего отца безумным?

И так как я по-прежнему колебался, она серьезно сказала:

– Кертсон должен был рассказать вам об отце. И он должен доверять вам, иначе не послал бы сюда. Отец тоже кое-что говорил вам, я знаю. Я знаю о его одержимости этим проклятым предком. Я много раз видела как он становится марионеткой, и капитан Джонсон тоже это видел. Я хочу знать, не слишком ли часто это происходит.

Вот здравый смысл и острая наблюдательность, не стесненная никакими суевериями! Я решил (хоть это и непрофессионально) рассказать о своих гипотезах, возникших после разговора с ее отцом, которые последующие происшествия только подкрепили.

– Почему вы этого боитесь? – спросил я.

– Из-за его поведения на старом корабле, конечно, – ответила она.

Я сказал:

– Нет, я не думаю, что ваш отец безнадежно безумен. Даже если воображение заведет его дальше, чем сегодня днем, все равно это не сумасшествие. Вы спросили, каков мой диагноз. Ну, что ж, извольте...

Я пересказал ей слова Кертсона, передал вкратце суть своего разговора с ее отцом в ту ночь, когда появился на борту, и наконец сообщил свою версию происшедшего. Она слушала, не прерывая, потом долго сидела в задумчивости.

– Знаете, – сказала она наконец, – это все произошло отчасти из-за того, что Большой Джим так и не вырос... как Питер Пэн. Мальчишки хотят быть индейскими вождями, изобретателями, пиратами, пожарными и еще кем угодно. Мальчишки считают себя индейскими вождями или ковбоями, и говорят и поступают соответственно. Но годы спустя они об этом забывают.

Отец много работал, у него никогда не было возможности поиграть. Потом что-то повлекло его к старому капитану. Для него это было нечто вроде игры, отдыха, бегства от действительности. Он мог вообразить, как поступил бы в том или ином случае старый капитан, представить себя не в своем офисе, а за штурвалом старой «Сьюзан Энн» и, может быть, не Большим Джимом Бенсоном – на самом деле ведь он никакой не большой, – а старым капитаном. И это чувство росло, ширилось, оно стало для него как выпивка, как наркотик. Ему требовалась все большая доза, и он принимал его... Да, теперь я понимаю.

Я с неподдельным восхищением смотрел на Пен, ибо она очень четко и здраво описала этот клинический случай.

– «Сьюзан Энн» распахнула настежь эту дверь в детство... как будто мальчишка, мечтавший стать индейским вождем, заполучил вдруг индейскую одежду, и коня, и лук со стрелами, и вигвам... и племя в придачу. Да, я понимаю... но все же это была игра... и отец знал, что это игра. И тут случился ураган, и этот старый корабль, и это... это колесо... – Она вздрогнула. – Что-то неладное на этом корабле, доктор Фенимор. Во всяком случае, неладное для отца. Дело не в сокровище, которое может там находиться. Денег у него достаточно, еще больше ему просто не нужно. Это не алчность. Но разве находка такого корабля с его возможными сокровищами не разожгла бы алчность старого капитана, не заставила бы его сделать все, чтобы получить их? Не разбудила бы в нем жестокость? А он был жесток... И теперь это не мой отец, а скорее – старый капитан. Вернее, часть его мозга, в которой жив старый капитан, так окрепла, что подчинила себе все остальное. Стерла личность Джима Бенсона. По крайней мере на время... Но что за это время может натворить фантом, который поселился в моем отце?..

Я смотрел на нее, все больше восхищаясь. Конечно, профессионал-психиатр так бы не рассказал, но ситуацию она описала необычайно метко, прояснив для меня то, что сам я осознавал лишь смутно. Именно этого опасался Кертсон: некий катализатор, что сплавит воедино Бенсона и эту вторую личность, которая станет необыкновенно сильной и, может, вовсе вытеснит своего создателя.

Она смотрела на меня, ее голубые глаза потемнели от страха, который она так хорошо скрывала.

Я сказал:

– Вы прекрасно все обобщили, мисс Бенсон. Опасность, которой вы опасаетесь, реальна. Но не думаю, чтобы этот период был настолько длительным, чтобы нанести большой вред. Собственная личность вашего отца очень яркая, его воспоминания отпечатались очень глубоко, а собственная воля слишком сильна, чтобы сдаться надолго, а тем более – навсегда.

Но сам я вовсе не был в этом уверен, и она это почувствовала.

– Такие случаи происходили, доктор Фенимор, и с людьми покрепче моего отца. К тому же, эта новая, созданная им личность – не чужак, она часть его самого! А чтобы сломать жизнь, хватит нескольких минут.

Она сжала руки, и я видел, как побелели ее пальцы. Как бы про себя она сказала:

– Если бы я только могла быть уверена в Майке! Но колесо! О, это проклятое колесо!..

Я нарочно резко сказал:

– Вздор! Вы сейчас говорите, как истеричная девчонка! Она ответила:

– Неужели? Тогда объясните, что с ним? Почему он ударил Чеда? Почему говорил такие странные вещи? Почему он повернул колесо, а все остальные не смогли?

Я еще грубее ответил:

– Теперь вы несете уже совершенную чушь. Вы перенервничали, так же, как Майк и все остальные.

– Хотела бы я вам верить. – Она покачала головой и встала. – Пожалуйста, приоткройте дверь и посмотрите, нет ли кого в коридоре.

Там никого не было. Она задержалась на пороге, протянула руку. – Вы единственный, кому можно доверять. И я тоже слышала этот колокол и дудку.

И выскользнула. Я, встревоженный, вернулся в свою каюту, ругая себя. У меня небогатое воображение, к тому же я не подозрителен, но складывалось впечатление, что меня опутывает паутина суеверий. Мне это определенно не нравилось. Я отправился в лабораторию и постарался выбросить это все из головы, хотя бы на время, и заняться практической работой.

Работая, я не обращал внимания на время, и удивился, услышав два удара корабельного колокола. Никогда не мог я привыкнуть к морскому счету. Переведя его на обычный, я

определил, что уже час ночи. Выглянув в иллюминатор, я увидел, что корабль по-прежнему ярко освещен, и задался вопросом, почему. Вероятно, это как-то было связано с завтрашними делами, – подумал я и вернулся к своим пробиркам.

Я услышал, как тихо открывается дверь, и увидел Мактига. Он так же тихо притворил дверь. На нем был просторный белый свитер.

– Большой Джим возвращается на остров... идемте.

Я оделся и тихо направился вслед за Мактигом на шлюпочную палубу, где ждали Большой Джим и Чедвик. Мы сели в шлюпку, и Мактиг начал неслышно грести.

Большой Джим напрямиком направился к колесу, словно подталкиваемый невидимыми руками, посмотрел на него, коснулся. Повернулся к нам и резко спросил:

– О чем вы думаете?

Чедвик ответил:

– Во-первых, я думаю, что экипаж состоит из прожженных парней. Если мы приведем с собой кого-нибудь за колесом, он сделает те же выводы, что и мы. И захочет тщательно обыскать корабль, унеся с собой все, что сможет. И не думаю, чтобы мы могли их остановить. Итак...

– Итак? – переспросил Бенсон, и я заметил, что глаза его снова налились кровью и в них появилось выражение хитрости и коварства.

– Итак, – продолжал Чедвик, – я думаю, нам нужно посмотреть первыми, не пуская экипаж в трюм, взять все ценное, и лишь в последний момент, когда «Сьюзан Энн» будет готова к отплытию, забрать колесо... если вы по-прежнему этого хотите... Майк может сделать это сам. Тогда сможете как угодно объяснять, где вы нашли эту штуку.

8. За запечатанной дверью

— Значит, вы так считаете? — спросил Бенсон, ележно улыбаясь. Улыбка буквально растекалась по его лицу, как тяжелое масло растекается по поверхности чистой воды, утишая волны. Лицо Бенсона потемнело и сгладилось. Очевидно было, что он согласен с Чедвиком, но трудно было понять, смеется ли он потому, что согласен... или смеется над ним.

— А вы, Майк? Каково ваше мнение?

Мактиг с горечью ответил:

— Благодарю за доверие, сэр, вы очень добры, но раз уж вы подставили подбородок, то, думаю, терпите удар. Я скажу: созовите парней с «Сьюзан Энн». Пусть смотрят все, что хотят, пускай унесут хоть весь корпус на щепки, на спички. И очень неплохо было бы потом эти спички сжечь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.